

Краснодарский университет МВД России

**Ю. Н. Людкевич
Е. В. Гришай
Н. Ю. Завьялова**

**ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ УГРОЗ
И ДЕСТРУКТИВНОГО КОНТЕНТА
В МАСС-МЕДИА И СЕТИ ИНТЕРНЕТ
НА РАДИКАЛИЗАЦИЮ МОЛОДЕЖИ**

Учебно-наглядное пособие

Краснодар
2023

УДК 316
ББК 60.54
Л937

Одобрено
редакционно-издательским советом
Краснодарского университета
МВД России

Рецензенты:

А. А. Бондарев, кандидат юридических наук, доцент (Орловский юридический институт МВД России им. В.В. Лукьянова);

Р. Г. Самойлюк, кандидат юридических наук (Международный межведомственный центр подготовки и переподготовки специалистов по борьбе с терроризмом и экстремизмом ВШПБ МВД России).

Людкевич Ю. Н.

Л937 Влияние информационных угроз и деструктивного контента в масс-медиа и сети Интернет на радикализацию молодежи [Электронный ресурс] : учебно-наглядное пособие / Ю. Н. Людкевич, Е. В. Гришай, Н. Ю. Завьялова. – Электрон. дан. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2023. – 1 электрон. опт. диск.

ISBN 978-5-9266-1962-8

Определены сущность и содержание понятия радикализма, проанализированы способы вовлечения молодежи в деструктивные масс-медиа как причины и инструменты формирования радикальных взглядов в молодежной среде. На основе анализа складывающейся оперативной обстановки и действующего законодательства предложены конкретные меры противодействия формированию радикальных взглядов в молодежной среде.

Для профессорско-преподавательского состава, курсантов, слушателей образовательных организаций МВД России и сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

УДК 316
ББК 60.54

ISBN 978-5-9266-1962-8

© Краснодарский университет
МВД России, 2023
© Людкевич Ю. Н., Гришай Е. В.,
Завьялова Н. Ю., 2023

Оглавление

Введение	4
§ 1. Радикализация: понятие, содержание, критерии оценки, причины	7
§ 2. Динамика преступных проявлений связанных с развитием IT-технологий	14
§ 3. Молодежь как основной объект негативного влияния деструктивного контента	24
§ 4. Правовые и организационные основы противодействия радикализации	36
§ 5. Деятельность органов внутренних дел по предупреждению и пресечению радикализации молодежи в современных социальных реалиях	50
Заключение	55
Литература	58

Введение

Стремительное развитие и внедрение цифровых и информационных технологий, в том числе в области искусственного интеллекта, все больше преобразует наш мир. Люди используют информационно-коммуникационные сети и технологии для обмена данными, для объединения в системы информационных устройств, приборов, применяемых в повседневной жизни, для взаимодействия между собой и для связи с внешним миром. Сеть Интернет превратилась в одну из главных виртуальных площадок для общения. Согласно проведенных исследований, для большинства пользователей именно коммуникативная функция сети Интернет вышла на первый план [1, с. 219а; 2, с. 8; 3, с. 379-380 и др.].

Однако наряду с новыми возможностями, открывшимися с информационно-техническим прогрессом, многократно возросла и вероятность возникновения различных угроз безопасности. Современные информационно-коммуникационные технологии – это своего рода «ящик Пандоры», который несет обществу не только блага, но и различные проблемы социально-негативного характера. Одной из таких проблем стала проблема деструктивных контентов и деструктивного общения, которые не могли бы возникнуть в реальном, а не виртуальном пространстве. И в первую очередь, данные деструкции проявляются в молодежной среде,

поскольку молодые люди в силу неустоявшейся жизненной позиции с одновременным желанием проявить себя в обществе, как-то выделиться наиболее подвержены негативным влияниям.

К сожалению, абстрагироваться от этого влияния невозможно – в современном мире общество стало полностью зависимым от информационных, телекоммуникационных, научных и иных современных технологий. Однако большинство людей при этом не обладают специальными знаниями основ коммуникации, правовых основ, не всегда могут отличить агрессивную среду на «просторах» Интернета, которая не только быстро распространяется, но и научилась успешно «маскироваться», благодаря применяемым психологическим технологиям.

Поэтому увеличение объемов информации, техническая безграмотность населения, сложность и многообразие современных знаний, психология потребления, отсутствие навыков технологической безопасности и другие факторы научно-технического характера привели к возникновению компьютерной и технотронной преступности.

Однако даже не рост компьютерной преступности вызывает наибольшие опасения. Гораздо более серьезные последствия наступают в результате намеренного влияния извне на идеологические установки молодежи, на их мировоззрение, которые как «замедленная бомба», непременно возникнут будущем в самых отвратительных проявлениях и нанесут ущерб всему обществу.

Как отечественные, так и зарубежные исследования подтверждают, что самые значимые коммуникативные риски для молодежи заключаются в тех формах деструктивного онлайн-поведения молодых людей, которые имеют частую повторяемость и доступны для сведения других пользователей. Такое поведение создает иллюзию безнаказанности и потому допустимости такого общения. Правильное понимание различных аспектов столкновения молодых людей с деструктивным контентом позволит выработать более адекватные и действенные модели профилактики и противодействия с его проявлениями.

Сказанное подтверждает актуальность темы данной работы и открывает широкое поле для научной и учебной дискуссии по во-

просам противодействия современной компьютерной преступности, разработки эффективной системы мер борьбы с компьютерными и технотронными преступлениями и их предупреждения, совершенствования законодательства в этой сфере.

Выводы и оценки, отмеченные в учебно-наглядном пособии, основываются на анализе:

- статистических данных ФКУ (ГИШ МВД России) о преступлениях и лицах, их совершивших, на территории Российской Федерации в целом и ее федеральных округов, а также о потерпевших от противоправных посягательств за период с 2016 по 2023 г.:

- информации Портала правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации;

- статистических данных Федеральной службы государственной статистики (Росстата) о состоянии социально-экономической и демографической ситуации в Российской Федерации;

- результатов криминологических и социологических исследований ФГКУ (ВНИИ МВД России);

- опубликованных и размещенных в сети Интернет, в том числе на официальных сайтах исследовательских центров, результатов криминологических исследований преступности в Российской Федерации и ее регионах.

Авторы надеются, что представленная ими работа будет иметь востребованность для уяснения причин и условий, влияющих на деструктивное поведение и радикализацию молодежи, а также для разработки эффективных организационно-практических мер противодействия этим процессам.

§ 1. Радикализация: понятие, содержание, критерии оценки, причины

Конъюнктура, сложившаяся в последнее время в геопро-странстве в целом и в нашем государстве в частности, предопре-делила необходимость более тщательного исследования различ-ных негативных субкультур с целью эффективного противодей-ствия им. Особое внимание следует уделить таким феноменам как религиозный и иной фундаментализм, терроризм, экстремизм и радикализм. Различные формы проявления политического, идео-логического, экономического насилия зачастую осуществляются в форме экстремизма и терроризма. В научных кругах уже доста-точно давно используется и весьма активно используется термин «радикализация». Однако следует признать, что в настоящее время нет однозначной трактовки данного понятия и имеют место суще-ственные разногласия во взглядах на его сущность в научных кру-гах правоведов и философов. Фактически слова «радикальный» и «радикализация» имеют разный смысл для разных людей. В дан-ном случае следует учитывать, что в основу любой практической деятельности закладывается теоретическая основа. А это значит, что в выработке полноценного определения понятий радикализма, экстремизма и терроризма необходимо последовательно двигаться от общего к частному и конкретному. Если рассмотреть этот во-прос с позиции формальной логики, то мы можем увидеть взаимо-связь радикализма, экстремизма и терроризма с позиции кругов «Эллера».

Самые общие определения радикализма, экстремизма и тер-роризма содержится в энциклопедических словарях, где радика-лизм это – (от лат. *radix*, корень) политический (иногда церковный, религиозный или даже философский) принцип или направление. Этим термином обозначается стремление доводить политическое или иное мнение до его конечных логических и практических вы-водов, не находя никаких компромиссов.

Ситуация, сложившаяся в последнее время создала предпо-сылки к распространению различных негативных субкультур, зна-чительная часть которых позиционирует себя и идентифицируется

в обществе как имеющие радикальный окрас. Необходимо признать, что в какой-то мере они тесно связаны с понятием «радикализация». В целом можно констатировать факт того, что в современном научном сообществе нет единой четкой трактовки понятия «радикализация», а бытующее мнение о данном явлении как о констатации факта вступления в различные вооруженные формирования с целью совершения различных преступлений насильственного характера.

Терроризм является крайним проявлением экстремизма, но с данным определением, как и определением предыдущих понятий, существуют различные мнения. Например, Большой энциклопедический словарь определяет терроризм как «политику, основанную на систематическом применении террора. Синонимами слова «террор» (лат. terror – страх, ужас) являются слова «насилие», «запугивание», «устрашение» [1, с. 987]. Другая точка зрения на данное определение заключается в том, что, сегодня, существует смешение таких понятий, как «террор» и «терроризм». Насильственное достижение поставленных целей является террором. Понятие «терроризма» же более широкое и по содержанию, и по сути. В данном случае это не способ достижения преступных намерений, а социально-политическое явление, которое в своей деятельности использует террористические методы и приемы [3, с. 57; 4, с. 83].

Для примера можно привести много исторических фактов, когда различных движений гражданского сопротивления или борьбы за гражданские права, несмотря на радикальность своей стратегии, были категорически против достижения поставленных целей насильственным путем. Этим обстоятельством хотелось бы подчеркнуть, что нельзя однозначно отождествлять радикализацию с насильственным преступным достижением поставленных целей и задач. Некоторые авторы утверждают, что радикализация может коснуться любого индивида при стечении каких-то определённых обстоятельств. Как было сказано выше, сами термины «радикал», «радикализм» и «радикализация» имеют западное происхождение. Там же в начале XXI века стала появляться их новая интерпретация. По этой причине видится целесообразным рассмотреть весь эволюционный процесс указанного понятийного аппарата в зарубежных научных кругах с момента зарождения и до

нынешних дней. Любопытно исследовать сформировавшуюся понятийную систему в зарубежной литературе касаясь трактовки в частности таких явлений как «терроризм» и «экстремизм».

1. Понятия «радикал», «радикализм», «радикализация». Дать полное определение понятию радикализация затруднительно по причине значительного эволюционирования данного концепта.

На данном этапе такая интерпретация уже не является достаточно популярной [5, с. 194]. Следует признать, что трактовка, имевшая место в начале нынешнего столетия, претерпела существенные изменения под воздействием различных факторов и в настоящее время более сложна и многогранна, в особенности в ее качественном аспекте. Немаловажную роль в этом сыграла сформировавшаяся в последнее время в геопространстве политика нетерпимости к различным родам экстремистским и террористическим проявлениям. Следует признать, что «радикализм» менял свой смысл как понятие в процессе исторического развития общества. Так, в XIX в. большинство в основном политических движений и партий, относивших себя к радикальным, не являлись таковыми по сути. Таковыми они считались в силу провозглашения новых ценностей, которые противоречили сформировавшемуся на тот момент социально-политическому укладу. Основная суть их радикализма заключалась в провозглашении демократических идей, отвергавших сословную структуру гражданского общества с искоренением различных запретов и ограничений, основанных на национальном и гендерном неравенстве. При этом следует признать, что в основном они провозглашали себя больше реформистскими движениями, не признающими насильственное, революционное достижение поставленных целей. Обязательно необходимо отметить, что предлагаемые в то время реформы в настоящее время стали основой демократического общества современного государства. То есть следует, что с того времени, когда радикалом считалось лицо явно демократических, реформистских взглядов, произошла существенная трансформация трактовки данного понятия и на нынешнем этапе таким считается лицо ярко выраженных антидемократических регрессивных идей, которые нередко оправдывают насильственные способы достижения поставленных целей. На данном этапе к понятию радикализация в зарубежном мировом сообществе выработалось несколько основных подходов.

Согласно первому из них, данным понятием является процесс достижения своих преобразовательных целей насильственным путем. Так, Д. Делла Порта в своем исследовании обозначает несколько общепринятых в начале нынешнего столетия определений понятия «радикализация», общая суть которых заключается в эскалации насилия как единственного способа достижения поставленных целей [6]. Большинство авторов при этом утверждают, что радикализация имеет ярко выраженный террористический окрас. Как указывает М. Седжвик, «радикализация в настоящее время становится стандартным термином, используемым для описания того, что происходит до того момента, как бомба сработает» [7, с. 479]. В некоторых трудах предлагается отграничивать традиционную радикализацию от насильственной. Так, по мнению А. Дальгард-Нельсена, под «радикалом» следует понимать индивида, взгляды которого обращены к глобальным социально-политическим изменениям, а «радикализацией» он провозглашает совокупность действий направленных на распространение этих идей в гражданском обществе, с целью изменения сформировавшегося уклада. Этот же автор под «насильственной радикализацией» понимает осознание и принятие допустимым применение насильственных мер для достижения поставленных целей [цит. по: 8, с. 49]. При этом есть целая группа научных трудов, в которых предлагается разграничивать понятия «радикализация» и «экстремизм». Например, А. Шмид считает, радикализм исторически считался предпосылкой к демократизации, прогрессу, по причине чего его производная – «радикализация» – нельзя однозначно отождествлять с понятием экстремизма [9, с. 9]. Можно сделать вывод, что сторонники такого подхода считают, что «радикализация» далеко не всегда сопровождается насильственными методами и террором, а в тех случаях, когда такое имело место, насилие отличается от действий экстремистов, не являясь самоцелью как таковой.

Например, А. Бюттичер отмечает значительную трансформацию смысла понятия «радикализм» с момента его появления. Изначально этот феномен ассоциировался с какими-то новыми либеральными веяниями характерными в основном для левых политических объединений, позиционирующих себя в противовес устоявшемуся социально-политическому укладу. Именно радикализм

стал политической доктриной политических движений, которые противопоставляли себя монархическим устоям, являвшимся основополагающими в политическом укладе в XIX веке. Именно в то время радикализм характеризовался продемократическими, антимонархическими идеями. Оппоненты же в угоду своих интересов предпринимали попытки по преподнесению радикализма как революционного движения преследующего цель по смене власти. Хотелось бы отметить, что в настоящее время в таком виде преподносится религиозный радикализм. Следует согласиться с мнением А. Бюттичера, который считает, что радикализм в историческом аспекте больше характеризуется реформистскими чем экстремистскими чертами. Тем более, что экстремизм как явление появилось значительно позже. Данный автор предложил обстоятельное определение радикализма, в котором он под последним предлагает понимать «политическую доктрину, принятую общественно политическими движениями в пользу как индивидуальной, так и коллективной свободы и освобождения от правления авторитарных режимов и иерархически структурированных обществ». Как идеологическое мышление радикализм зачастую крайне категоричен к сформировавшимся устоям и преследует цель по совершенствованию либо полной замене существующих политических структур. В данном противодействии противники радикальных течений преподносят последних как склонных к достижению своих целей насильственным путем. Такое суждение однобоко, поскольку радикализм, исторически ассоциировался с демократическим реформизмом, а не с радикальным экстремизмом. Радикализм в отличие от экстремизма не предполагает использование устрашения в пропаганде своих идей, не предполагает подчинение. Радикалы рассматривают всю палитру возможных способов достижения поставленных целей, несмотря на крайне острую реакцию на попытки поставить под сомнение их основные идеи. Экстремизм в отличие от радикализма отличается приоритетом крайних форм действий, зачастую насильственного характера. Также существенным отличием от экстремистов является нескрываемое желание радикалов на самоидентификацию [10, с. 74-75]. Вышеуказанный автор А. Бюттичер достаточно всесторонне и объективно обозначил основные отличия указанных явлений. Он

считает, что данные понятия являются крайне противоположными, значительно отличающимися друг от друга и обозначил основные элементы, подтверждающие это, в частности:

1. Радикальные движения в своей деятельности характеризуются прагматизмом и не считают насильственные меры единственным возможным способом достижения целей. При этом политическое насилие они применяют точно, целенаправленно и избирательно в исключительных случаях, тогда как экстремистские движения позиционируют такие действия своими политическим кредо, не гнушаясь их применением в отношении неопределенного круга лиц, в том числе массово.

2. Оба явления в своих целях имеют отсылку к чему-то не относящемуся к настоящему укладу жизни. При этом в случае экстремизма есть сильный палингенетический элемент; в то время как радикализм своей целью преследует формирования нового светлого уклада жизни, а не возвращение к имевшему место в прошлом.

3. Экстремизм характеризуется антидемократическим взглядами, нетерпимостью к любым другим идеологиям, когда категорически отвергается верховенство права и конституционного устройства государства. По этой причине исключена интеграция экстремистов в современную либерально-демократическую политическую систему общества. Радикализм же характеризуется больше эмансипативностью. Несмотря на различные сложности, радикалы могут сосуществовать в современном демократическом обществе.

4. Исторически радикалы преследовали своей целью распространение основных прав и свобод человека и гражданина на все слои населения вне зависимости от национальной, расовой, сословной и иной принадлежности. В противовес этому экстремистски настроенные движения противопоставляют себя правовым институтам, пропагандирующим и охраняющим основополагающие свободы.

5. Экстремисты категорически отвергают свободу мнений. При этом они не гнушаются любых крайних способов достижения целей. В то время как радикализм, несмотря на преследование целей по кардинальному изменению существующего уклада жизни, не отвергает категорически разнообразие в обществе путем.

6. Радикализм провозглашает себя в противовес правящей элиты и ее основной концепции. Экстремисты же направляют свою деятельность в отношении всего гражданского общества, отказывающегося принимать провозглашенные ими догматические идеи.

7. При малочисленности радикального движения оно предпочитает не идти на конфронтацию с установленным порядком, стараясь распространять свои идеи в максимально закрытом формате. Экстремистские движения в силу своей крайней радикальности в большинстве случаев являются небольшими группировками, которые, несмотря на это не прекращают свою агрессивную провокационную деятельность, в том числе с использованием насильственных средств и террора.

8. Радикализм в своей деятельности ориентирован на неограниченный круг граждан с пропагандой в целом универсальной морали. Экстремистская мораль характеризующуюся своей специфичностью, направленной строго на членов своего движения.

9. Экстремистские идеи в основном характерны для авторитарных и тоталитарных диктатур. Экстремисты выступают против любых свобод простых граждан, нередко являясь нацистами и расистами. Радикализм же исторически является более эгалитарным и менее элитарным.

10. Основные догмы радикалистских движений основаны на политическом наследии Просвещения XVIII века с его верой в силу разума и идеями о человеческом прогрессе. Экстремизм отличается своей больше иррациональной основой, зачастую религиозными и фундаментальными системами убеждений. При этом они настаивают на монополии своего ретроградного видения истины [10, с. 75-76].

§ 2. Динамика преступных проявлений, связанных с развитием IT-технологий

Развитие современного информационного общества объективно приводит к усилению его зависимости от информационных, коммуникационных, научных, производственных, логистических и иных высоких технологий. Эти процессы не могут не отражаться на структуре и динамике общей преступности.

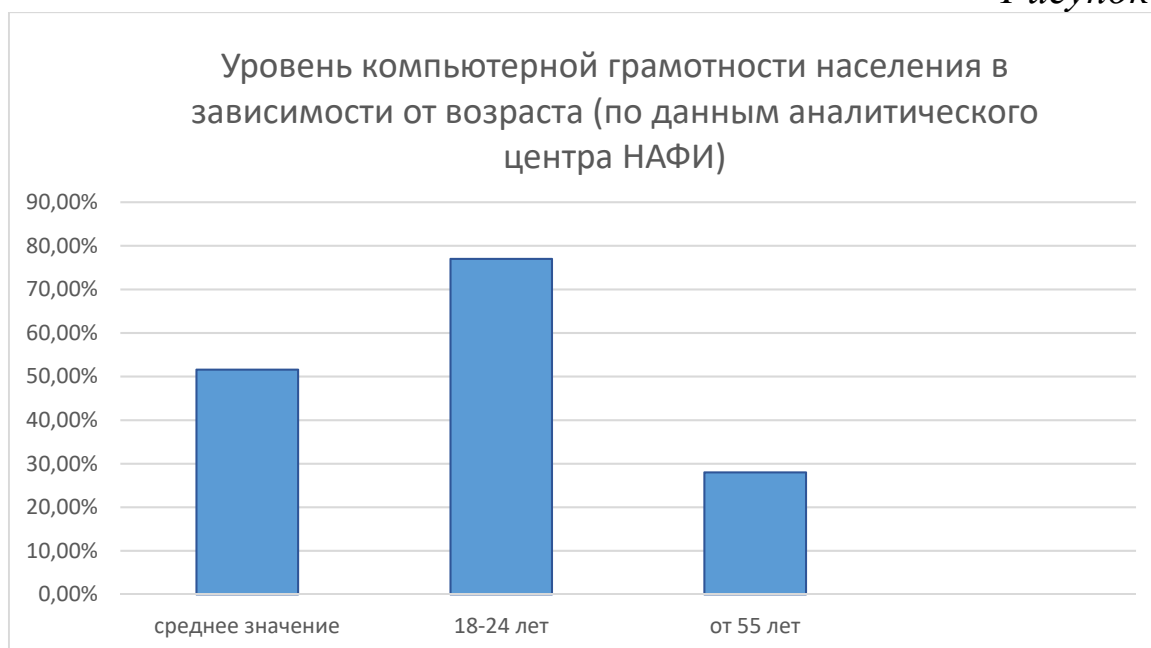
С развитием общественных отношений объективно меняется и структура преступности, ее динамика. В частности, за последние годы преступники при противоправных посягательствах все чаще применяют или используют сети «Интернет», средства мобильной связи, компьютерную технику, программные средства и иные информационно-коммуникационные средства и технологии. Так, только в 2022 году каждое четвертое зарегистрированное в России преступление совершено с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации (522,1 тыс. из 1966,8 тыс.) [11; 12].

И это только официальная статистика. Бывший начальник бюро специальных технических мероприятий МВД РФ генерал-полковник милиции Б.Н. Мирошников отметил беспрецедентно высокую латентность преступлений в сфере компьютерных технологий (до 80%) по сравнению с другими преступлениями [13]. Как крайне высокую оценивают латентность данного вида преступлений и многие известных ученых-криминологов [см., напр.: 14, с. 485- 486; 15, с. 109-112]. Также следует указать на то, что рассматриваемые преступления характеризуются низкой раскрываемостью. По данным Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в 2022 году зарегистрировано 522065 преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, из которых раскрыто только 142384 преступления или 27,3%. Отметим, что ежегодно показатель раскрываемости снижается, хотя и незначительно: в 2020 году он составлял 20 %, в 2019 году – 24%, в 2018 году – 26,6%, в 2017 году – 28,1%. И только в 2022 году раскрываемость преступлений данного вида увеличилась почти в полтора раза (с 20% до 27,3) [11; 12], что все

равно недостаточно: в 2022 году раскрыто только каждое четвертое преступление рассматриваемого вида.

Эти факты позволяют предположить, что в сфере IT-технологий одним из криминогенных факторов является уровень цифровой (компьютерной) грамотности пользователей сетей – с его ростом увеличивается количество совершаемых преступлений. И действительно, проведенное в 2017 году в рамках Саммита G20 комплексное исследование аналитического центра НАФИ показало существование «цифрового разрыва» между разными социальными группами: самый высокий уровень компьютерной грамотности проявляют молодые люди в возрасте 18-24 лет (77%), низкий – старшее поколение от 55 лет (28%) [16]. Это еще раз подтверждает, что именно молодежь быстрее и эффективнее может приобретать знания в сфере IT-технологий (Рисунок 1).

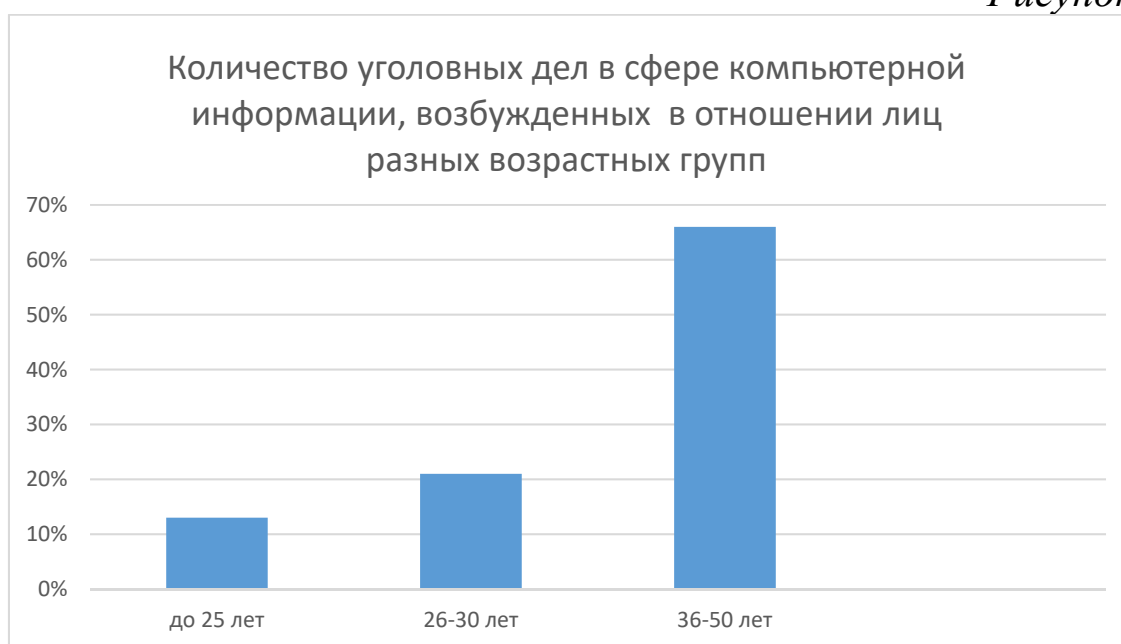
Рисунок 1.

Мысль о том, что среди лиц, совершающих преступления в сфере IT-технологий, большинство являются молодыми людьми, высказал в своем докладе генеральный секретарь ООН: с развитием в мире техники и повышением квалификации IT-специалистов «...появляется все больше талантливых людей для изобретения новых уникальных способов совершения преступлений, особенно в области информационно-обрабатывающих технологий» [цит. по: 17, с. 117].

Вместе с тем Д.Л. Никишин и Д.О. Орешкова, проанализировав материал 105 уголовных дел в сфере компьютерной информации, отметили, что треть преступников, совершающих рассматриваемые преступления, относятся к возрастной группе 36-50 лет, 21% преступников – 26-30 лет, и только 13% преступников не старше 25 лет (Рисунок 2). Названные исследователи отметили также, что большинство преступников имели высшее (59%) или незаконченное высшее образование (24%). Среди преступников значительно больше мужчин (96%), чем женщин, при этом большинство преступников состоят в браке [17, с. 118].

Рисунок 2.

Исследования Д.Л. Никишина и Д.О. Орешковой не расходятся с выводом о том, что с развитием IT-технологий интеллектуальная преступность «молодеет». Дело в том, что государственная статистика относит к преступлениям сферы IT-технологий не только такие, которые совершаются с использованием сети «Интернет», компьютерной техники, программных средств, но и совершаемые посредством средств мобильной связи, расчетных (пластиковых) карт фиктивных электронных платежей (см. Таблица 1). Совершение большей части таких преступлений не требует высокой квалификации в сфере IT-технологий, умений программирования; для преступника достаточно быть уверенным пользователем оборудования обработки данных, мобильной связи, электронного оборудования и т.п. технических средств. И только для совершения небольшого количества преступлений

сферы IT-технологий требуются специальные познания, именно такая категория преступлений совершается молодежью либо лицами, чья служебная деятельность предполагает доступ к компьютерной информации. Кроме того, большое количество преступлений в IT-сфере, совершаемых лицами, имеющих высокую компетенцию, остается нераскрытыми: для их раскрытия также требуются специальные знания, которыми не всегда в достаточном объеме обладают сотрудники правоохранительных органов. Если принять во внимание тот факт, что в среднем сотрудники следственных и оперативных служб, выявляющие и изобличающие преступников, относятся к возрастной группе 30-40 лет, то становится понятной основная причина низкой раскрываемости преступлений рассматриваемого вида: правоохранитель или молод и не имеет практического опыта работы, или имеет необходимый опыт, но не обладает достаточными познаниями в сфере информационных технологий. Представляется, что для повышения эффективности раскрытия преступлений данного вида целесообразно создавать следственно-оперативные группы, в которые в обязательном порядке включать IT-специалистов, в том числе из гражданских структур.

Таблица 1.

Количество зарегистрированных преступлений	2022	2021	2020	2019	2018	2017
Всего зарегистрировано преступлений в сфере IT-технологий	522065 (+0,8% с АППГ)	517722 (+1,4% с АППГ)	510396 (+73,4% с АППГ)	294409 (+68,5% с АППГ)	174674 (+92,8% с АППГ)	90587
В том числе совершенных с использованием или применением:						
сети «Интернет»	381112 ¹ (73,0%) (+8,4% с АППГ)	351463 (67,9%) (+17,0% с АППГ)	300337 (58,8%) (+90,4% с АППГ)	157056 (53,3%)		

¹ Далее в таблице указаны: количество преступлений; удельный вес преступлений, выявленных с использованием или применением указанного технического средства от общего числа преступлений, совершенных в сфере IT-технологий; прирост зарегистрированных преступлений указанного вида по сравнению с аналогичным периодом прошлого года (АППГ)

средств мобильной связи	212963 (40,8%) (-2,1% с АППГ)	217 552 (42,0%) (+88,3% с АППГ)	218 739 (42,9%) (+90,4% с АППГ)	116154 (39,5%)		
расчетных (пластиковых) карт	127149 (24,4%) (-23,2% с АППГ)	165 658 (32,0%) (-12,9% с АППГ)	190 167 (37,3%) (+453,1% с АППГ)	34383 (11,7%)		
компьютерной техники	29140 (+5,6%) (-23,2% с АППГ)	27519 (5,3%) (-4,0% с АППГ)	28 653 (5,6%) (+56,9% с АППГ)	18263 (6,2%)		
программных средств	7649 (1,5%) (+6% с АППГ)	7216 (1,4%) (-28,2% с АППГ)	10 050 (2,0%) (+60,0% с АППГ)	6283		
фиктивных электронных платежей	1325 (0,3%) (+38,9% с АППГ)	954 (0,2%) (-30,6% с АППГ)	1 374 (0,3%) (+39,6% с АППГ)	984 (0,3%)		
Раскрыто преступлений в сфере ИТ-технологий (% от числа зарегистрированных)	142384 (27,3%)	118920 (23,0%)	94942 (18,6%)	65238 (22,2%)	43362 (24,8%)	20424 (22,5%)
Выявлено лиц, совершивших преступления в сфере ИТ-технологий	96665	86696	65665	44158	24002	-

Из представленной таблицы видно, что наибольший прирост рассматриваемых преступлений, совершаемых в сети «Интернет», произошел в 2020 году, затем их прирост стал уменьшаться. Данная тенденция связана с тем, что именно 2020 год запомнился условиями пандемии, следствием которых стало то, что у людей появилось свободное время и неудовлетворенная потребность общения. Это спровоцировало разработку и повсеместное внедрение новых информационных технологий, развитие цифровой грамотности, организационные, предпринимательские, образовательные и другие процессы интегрировались в он-лайн режим. Преступники так же, как и все остальные люди осваивали новые технологии, благодаря чему умело встроились в «новую повестку», активно использовали вирусные и «зеркальные» сайты; создавали платформы, «идентичные» государственным, предлагая на них различные он-лайн услуги, в том числе нелегальные [18, с. 35].

По нашему мнению, в 2023 году ожидается дальнейшее снижение темпов прироста совершаемых преступлений данного вида. Это связано со сложившейся политической обстановкой. После начала специальной военной операции российские сайты, в том числе органов власти, а также объекты критической инфраструктуры подверглись массированным кибератакам со стороны иностранных спецслужб и иноагентов. В связи с этим Советом Безопасности Российской Федерации предложено создание государственной системы защиты информационного пространства России [19], а также предложено ужесточить ответственность за правонарушения, совершаемые в сфере информационной безопасности. И понятно, что более пристальное внимание правоохранительных органов повышает вероятность выявления преступлений данного вида. Конечно, DDoS-атаки с территорий других государств не прекратятся, представляется, что в 2023 году произойдет снижение числа преступлений, совершаемых на территории России и не имеющих политической окраски.

Большая часть зарегистрированных в России преступлений, совершаемых в сфере компьютерных технологий, имеют корыстную направленность (Таблица 2). Проведенным в 2018 году исследованием Ю. М. Антонян, Д. А. Бражникова, М. В. Гончаровой и др. установлено смещение мотивов преступного поведения в сторону корыстных со стремлением извлечения быстрых сверхдоходов [20, с. 5]. Однако, начиная с 2021 года, число таких преступлений стало снижаться.

Таблица 2.

Количество зарегистрированных преступлений	2022	2021	2020	2019	2018	2017
Всего зарегистрировано преступлений в сфере ИТ-технологий	522065	517722	510396	294409	174674	90587
В том числе:	363554	406041				
кража ст. 158 УК РФ	113565 ¹ (21,8%) (-27,6% с АППГ)	156792 (30,3%) (-9,6% с АППГ)	173416 (34,0%) (+75,5% с АППГ)	98798 (33,6%)		

¹ Далее в таблице указаны: количество преступлений; удельный вес преступлений, выявленных с использованием или применением указанного технического средства от общего числа преступлений, совершенных в сфере ИТ-технологий; прирост зарегистрированных преступлений указанного вида по сравнению с аналогичным периодом прошлого года (АППГ)

мошенничество ст. 159, 159.3, 159.6 УК РФ	249984 (47,9%) (+4,8% с АППГ)	249249 (48,1%) (+5,1% с АППГ)	237074 (46,4%) (+73,4% с АППГ)	136709 (46,4%)		
незаконные организация и проведение азартных игр ст. 171.2 УК РФ	583 (0,11%) (-5,0% с АППГ)	614 (0,12%) (-17,8% с АППГ)	747 (0,15%) (-11,3% с АППГ)	842 (0,29%)		
публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма ст. 205.2 УК РФ	490 (0,09%) (+55,6% с АППГ)	315 (0,06%) (+35,8% с АППГ)	232 (0,05%) (+9,4% с АППГ)	212 (0,07%)		
незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ, а также незаконные сбыт или пересылка растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества ст. 228.1 УК РФ	62209 (11,9%) (+20,9% с АППГ)	51444 (9,9%) (+9,3% с АППГ)	47060 (9,2%) (+90,7% с АППГ)	24677 (8,4%)		
преступления экономической направленности					9700 (5,6%)	8611 (9,5%)

Так, в 2020 приговором Кашинского районного суда Тверской области признан виновным в совершении преступления по части 3 статьи 272 УК РФ работник ПАО «ВымпелКом» Д.Н. Журавлев, который за вознаграждение без соответствующей регистрации выдал сим-карту неустановленному лицу [21].

Приволжским районным судом г. Казани установлена вина гражданина Д.М. Прохоренко, который совершил хищение денежных средств на общую сумму 1 300 000 рублей у пользователей интернет-кошельков. Действия Прохоренко были квалифицированы по части 4 статьи 159 УК РФ [22].

В Йошкар-Оле выявлен гражданин Домрачев Д.В., который, действуя из корыстной заинтересованности, за вознаграждение не-санкционированно распространял компьютерную программу на оборудовании для просмотра спутниковых каналов. Действия Домрачева инкриминированы по части 2 статьи 272 и части 2 статьи 273 УК РФ.

Доля преступлений экстремистской и террористической направленности среди выявленных за последние 5 лет составляла менее 1% из числа зарегистрированных преступлений, совершенных в сфере IT-технологий.

Выше мы уже упоминали о том, что в 2023 году число корыстных преступлений в данной сфере снизится, одновременно ожидается увеличение количества преступлений, имеющих экстремистскую окраску. Такие целенаправленные акции будут совершаться как на территории России, так и других государств. Такой вывод мы делаем, опираясь на статистические показатели за последние годы (Таблица 3), а также учитывая сложившуюся политическую ситуацию.

Таблица 3.

показатель	2022	2021	2020	2019	2018
Всего зарегистрировано преступлений террористического характера	2233 (+4,5,5% с АППГ)	2136 (-8,8% с АППГ)	2342 (+29,7% с АППГ)	1806 (+7,6% с АППГ)	1679 (-10,3% с АППГ)
Всего зарегистрировано преступлений экстремистской направленности	1566 (+48,2% с АППГ)	1057 (+26,9% с АППГ)	833 (+42,4% с АППГ)	585 (-53,8% с АППГ)	1265 (16,8% с АППГ)
Из общего числа зарегистрированных преступлений террористического характера совершено за пределами Российской Федерации	326 (-0,3% с АППГ).	327 (+44,7% с АППГ)	226 (+218,3% с АППГ)		
Всего преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий или в сфере компьютерной информации	522065 (+0,8% с АППГ)	517722 (+1,4% с АППГ)	510396 (+73,4% с АППГ)	294409 (+68,5% с АППГ)	174674 (+92,8% с АППГ)

Из них преступлений, совершенных с использованием или применением сети «Интернет»	381112 ¹ (73,0%) (+8,4% с АППГ)	351463 (67,9%) (+17,0% с АППГ)	300337 (58,8%) (+90,4% с АППГ)	157056 (53,3%)	
В том числе:					
публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, публичное оправдание терроризма или пропаганда терроризма ст. 205.2 УК РФ	490 (0,09%) (+55,6% с АППГ)	315 (0,06%) (+35,8% с АППГ)	232 (0,05%) (+9,4% с АППГ)	212 (0,07%) (+25,4% с АППГ)	
из них раскрыто преступлений	355 (72,4%) (+40,9% с АППГ)	252 (80,0%) (+26,6% с АППГ)	199 (85,8%) (+37,2% с АППГ)	145 (68,4%) (+10,7% с АППГ)	
Выявлено лиц, совершивших преступления по ст. 205.2 УК РФ	270 (+37,1% с АППГ)	197 (+22,4% с АППГ)	161 (+61,0% с АППГ)	100 (+26,6% с АППГ)	
публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности ст. 280 УК РФ	493 (0,13%) (+8,4% с АППГ)	455 (0,13%) (+33,8% с АППГ)	340 (0,11%) (+32,3% с АППГ)	257 (0,16%) (+1,6% с АППГ)	
из них раскрыто преступлений	453 (91,9%) (+12,4% с АППГ)	403 (88,6%) (+39,0% с АППГ)	290 (85,3%) (+42,9% с АППГ)	206 (80,2%) (-6,0% с АППГ)	
Выявлено лиц, совершивших преступления по ст. 280 УК РФ	252 (-13,7% с АППГ)	292 (+36,4% с АППГ)	214 (+50,7% с АППГ)	142 (+23,5% с АППГ)	

К сожалению, эмпирического материала недостаточно, чтобы обоснованно спрогнозировать развитие преступности террористической и экстремистской направленности, совершаемой с использованием сети «Интернет». Тем не менее, мы можем сделать некоторые предположения.

Считаем, что количество подобных преступлений будет расти. Среди рассматриваемых преступлений будет возрастать

¹ Далее в таблице указаны: количество преступлений; удельный вес преступлений, выявленных с применением сети «Интернет» от общего числа преступлений, совершенных в сфере IT-технологий; прирост зарегистрированных преступлений указанного вида по сравнению с аналогичным периодом прошлого года (АППГ)

доля тяжких и особо тяжких составов, но снижаться число преступлений экстремистской направленности.

Активная целенаправленная деятельность специалистов в сфере IT-технологий по разоблачению лиц, дискредитирующих российскую власть, способствует выявлению и раскрытию преступлений экстремистской направленности и террористического характера, совершаемых в сети «Интернет».

Значительная часть таких преступлений будет совершаться на территории иностранных государств, что является препятствием для привлечения этих лиц к ответственности. Подобные деяния будут иметь политическую подоплеку, их будут совершать лица зрелого возраста (30-40 лет). Учитывая объективные сложности, связанные с возложением юридической ответственности на лиц, находящихся вне юрисдикции России, фигурантам нет необходимости скрывать свою личность. В связи с этим латентность данных преступлений будет снижаться, а раскрываемость возрастет. Тем не менее, перспектива расследования уголовных дел, возбужденных по указанным фактам, будет низкой.

Большая часть лиц, совершающих рассматриваемые преступления на территории России, напротив, будут относиться к молодежной возрастной группе (20-25 лет). Именно молодежь в силу не сформировавшихся убеждений, наиболее подвержена влиянию нацеленному воздействию экстремистских идей на не сформировавшееся мировоззрение молодых людей. Тем не менее, считаем, что мотивы преступного поведения преступников-россиян останутся корыстными, а не политическими, и будут связаны со стремлением получить вознаграждение за «услуги» по размещению определенной информации экстремистского толка либо предоставлении интересующей информации запрашиваемым лицам. При этом преступники этой возрастной группы не до конца осознают последствия своих действий и не ставят цели «раскачать» политическую власть.

Предположительно большая часть деяний преступников будет связана с размещением дискредитирующей российские власти информации, «фейковых» новостей, могущих вызвать недоверие к государству, настроение обреченности, а также преступная деятельность будет проявляться в незаконном доступе к сведениям о деятельности государственных структур, в том числе к информации закрытого характера.

§ 3. Молодежь как основной объект негативного влияния деструктивного контента

В последние годы учёные гуманитарной сферы всё чаще обращают внимание на процессы трансформации системы ценностей российского общества, происходящие под воздействием ускоренного развития цифровых технологий [23]. Основным объектом исследований выступает особая социально-возрастная группа – молодёжь, вызывающая тревогу у учёных в силу минимального социального опыта, подверженности внешнему влиянию и восприимчивости к любым изменениям.

Введены в научный оборот такие понятия, как виртуальная компьютерная социализация, киберсоциализация человека, социализация личности в киберпространстве, под которыми понимается «процесс изменений структуры самосознания личности, происходящий под влиянием и в результате использования им современных информационных и компьютерных технологий в контексте жизнедеятельности» [24].

Результаты общероссийского исследования «Ценностные ориентации российской молодёжи», проведённого в 2017 году в рамках подготовки ежегодного доклада о положении молодёжи и реализации молодёжной политики в России, в целом подтверждают основные выводы приведённого выше изыскания.

Сегодня наука располагает обширным корпусом эмпирических исследований аксиосферы молодёжи разных масштабов – от мировых, общероссийских до региональных и локальных опросов, однако общепризнанного категориального аппарата до сих пор ещё не выработано.

В связи с формированием в медиасреде специфической социокультурной парадигмы ценностей в научный оборот введено понятие *аксиосферы интернета (киберпространства)*, под которой по аналогии с аксиосферой культуры [см.: 25, с. 28] понимается «определённым образом иерархизированная, многомерная, относительно устойчивая совокупность исторически сложившихся ценностей интернета, которые представляют собой обобщённые представления о наиболее значимых процессах и явлениях в пространстве сети, воспринимаемых пользователями как благо»

[26, с. 118]. При этом Е. Р. Южанинова отмечает, что «в отличие от аксиосферы культуры аксиосфера интернета создаётся и моделируется уже на базе существующей системы ценностей, при этом происходит взаимодействие и взаимовлияние этих двух сущностей. Одним из ведущих качеств аксиосферы интернета исследовательница называет сочетание устойчивости и динамизма, подвижности. Интернет сам по себе способен выступать мощным фактором социальных и индивидуальных изменений» [26, с. 118].

В условиях формирующейся электронной культуры медиакоммуникация, как отмечает Л. В. Баева [27, с. 5], порождает целый ряд экзистенциальных рисков и угроз для личности человека. В частности, взаимодействие в цифровой среде с обеих сторон превращается в игру, квазиреальность, что девальвирует ценности честности, сопереживания, доверия. Возникает новая экзистенциальная проблема – утрата границы реальности, связанная с раздвоением сознания человека, живущего в двух неравноценных мирах, один из которых – реальный – становится менее значимым, а виртуальный, который лишает человека реального основания. Медиакоммуникация приводит к формированию многоальтернативных моделей поведения, в которых размываются границы нормы и патологии, игры и преступления, греха и добродетели, что в свою очередь порождает «нормативный кризис». Нравственный выбор предельно затрудняется и переносится из сферы моральной оценки со стороны общества в сферу личной оценки своего действия. Человек перестаёт различать границы нарушения норм, терпимее относится к отклонениям и ненормативному поведению. Возрастает риск возникновения сверхценного отношения к средствам коммуникации, когнитивной дисфункции, зависимости от социальных медиа и интернет поиска информации [27, с. 8]. В свою очередь под воздействием информационно-коммуникационных технологий изменяется не только человек, но и культура в целом и её ценностные основания в частности [о значимых изменениях в культуре см.: 28, 29, 30, 31 и др.].

По данным исследования, проведённого корпорацией Гугл (Google) в 2017 году, в своих привычках, ценностях и поведении онлайн новое поколение интернет-пользователей в возрасте 13–24 лет принципиально отличается от предыдущего: привыкли к неограниченному доступу к информации, определяют социальные

сети как основной канал коммуникации, проводят в социальных сетях более 5 часов в день [32].

Феномен цифровых средств массовой коммуникации находится в центре внимания разных областей знания. В отечественной науке социальные медиа рассматриваются как 1) инструмент публичной политики и государственного управления [см.: 33, 34, 35]; 2) социальный институт [см.: 36]; 3) социокультурный феномен и инструмент диалога культур [см.: 35, 37]; 4) канал маркетинга [см.: 38]. Отдельную группу составляют исследования, посвящённые проблемам медиапотребления и влияния социальных медиа на трансформацию ценностных ориентиров, привычек и паттернов поведения потребителей информационных продуктов.

Исследователи выделяют как позитивные, так и негативные эффекты воздействия социальных медиа на пользователей, в том числе на детей и молодежь. Негативные медиаэффекты и угрозы информационной безопасности личности чаще всего связываются с различными технологиями и способами манипуляции, распространёнными в социальных медиа [см.: 35, 39]. Классификация функций социальных медиа и их видов приведена в Таблице 4.

Таблица 4.

Функция	Содержание	Виды социальных медиа
Репутационная	управление идентичностью и репутацией	все социальные медиа дневникового типа – блоги и микро- и макроблоги
Организационная	создание списков «друзей», групп, сообществ	- социальные сети традиционного типа / универсальные социальные медиа, - профессиональные сети, - корпоративные сети, - социальные навигаторы
Коммуникативная	обмен контентом, общение по интересам, взаимодействие и сотрудничество на основе дружеских, деловых, коммерческих связей	- социальные сети традиционного типа / универсальные социальные медиа, - профессиональные сети, - корпоративные сети, - социальные навигаторы
Познавательная	создание и обсуждение социокультурного контента	научно-популярные сайты

Утилитарная	Организация быта, обмен прикладными навыками	Специализированные тематические сайты
Развлекательная	игровое взаимодействие, взаимоотношения в виртуальных мирах	- социальные игры, - виртуальные миры
Мониторинговая	статистика посещений, про- смотров, лайков и дизлайков, анализ аудитории, составление рейтингов популярности	- все социальные сети, - аналитические агентства и службы, специализирующиеся на анализе медиа
Информационная	создание, хранение и распространение мультимедийного контента	- фото- и видеошеринги / хостинги, - новостные социальные сайты, - онлайн-СМИ
Справочно-рекомендательная	создание баз данных и обмен данными	- вики-проекты, - сайты вопросов и ответов, - социальные закладки, социальные библиотеки и каталоги
Комерческая	Стимулирование потребительского спроса путём размещения рекламы	все социальные медиа, размещающие рекламный контент

Как показал анализ, все социальные медиа независимо от вида реализуют, по сути, две базовые функции – информационную и коммуникативную. Другие функции достраиваются в зависимости от видов социальных медиа и в соответствии с потребностями пользователей в интеллектуальной, социокультурной и социально-политической информации или деятельности, в удовлетворении спроса на товары и услуги, а также в организации быта и досуга.

Деятельность подростков в социальной сети ВКонтакте, как отмечалось ранее, ориентирована на развлечение, просмотр видео, поиск музыки, общение и просмотр фотографий. Сеть даёт возможность делиться мыслями, знакомиться с новыми людьми, посещать интересные паблики. Сообщества, в которых состоят под-

ростки, чаще всего посвящены юмору, развлечениям, моде, фильмам, музыке, творчеству, литературе. Гораздо реже школьники входят в группы новостных федеральных и региональных СМИ. Среди популярных сообществ были названы площадки «MDK», «Леонардо Дайвинчик», «Лентач», «Подслушано в...» и другие. Девушки часто встречались в группах, посвящённых феминизму и чайлдфри, таких как «Female mems», «Дитя сохраненок» и тому подобные. Молодёжь отмечала и группы оппозиционно-политической направленности: «Сталин- гулаг», «Команда Навального», «Алексей Навальный», «Помешанные на войне», «Плохие новости 18+», «стыдно показывать» и «вам лучше не знать», подтверждают необходимость не только контроля медиа-предпочтений современных школьников и молодежи, но и формирования культуры медиа-потребления.

Музыка, которую преимущественно слушают школьники в социальной сети ВКонтакте, представляет отдельную угрозу психологическому здоровью, так как контент песен отмеченных респондентами исполнителей направлен на саморазрушение человека. Песни и видеоклипы таких исполнителей, как Face, ЭлДжей, Пошлая Молли и другие, содержат как запрещённый законом, так и нарушающий нормы этики контент: изобилуют ненормативной лексикой; пропагандируют наркотики, самоубийства, насилие; подрывают установленный уклад жизни и основы политического строя; формируют потребительское отношение к людям.

К интересным личностям в социальных сетях школьники относят Павла Дурова – создателя ВКонтакте, Дмитрия Медведева, Алексея Навального, Владимира Зеленского, певцов, музыкантов и блогеров. Отдельно отмечают контент блогеров Кати Клэп и Саши Спилберг, которые пропагандируют как саморазрушительное поведение, так и пренебрежительное отношение к другим людям.

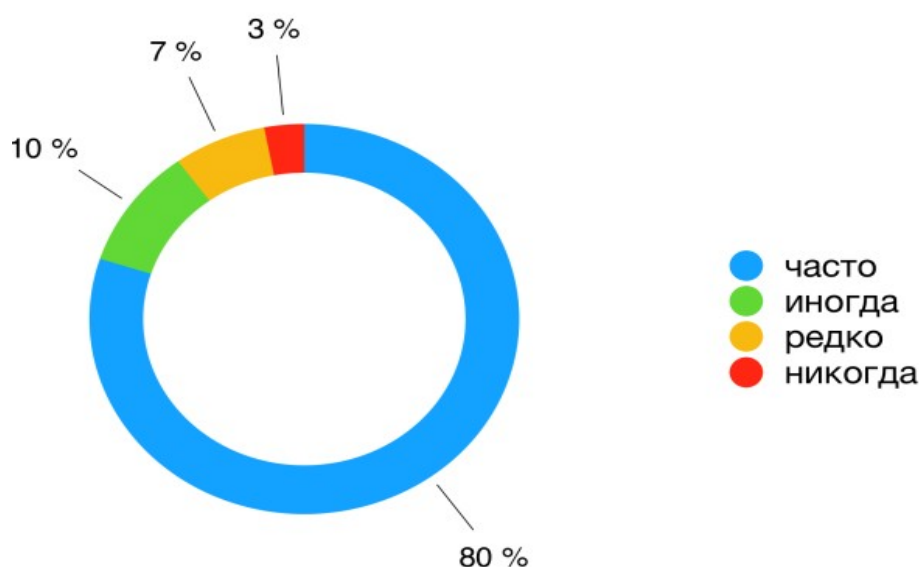
Как следствие – полагаясь преимущественно на собственное мнение, встречаясь с контентом, автор которого настраивает пользователей на негативное отношение к окружающему миру, подросток оказывается в ловушке саморазрушительных мыслей, из которых не может выбраться самостоятельно, ведь вокруг «не те взрослые», «не те родные» и «жестокий мир, которому ты не нужен».

Подавляющее большинство опрошенных молодых людей отмечают, что часто сталкиваются с контентом, содержащим ненормативную лексику, как следствие – она воспринимается как норма, используется в общении как в сети, так и вне её.

Именно с нецензурным контентом опрошенные чаще всего связывают такие отрицательные стороны сетей, как возможность оскорбления и унижения. Процентное соотношение учащихся, сталкивающихся с подобным контентом, представлено на рис. 3.

Рисунок 3.

Частота встречаемости школьников с нецензурной лексикой
в сети

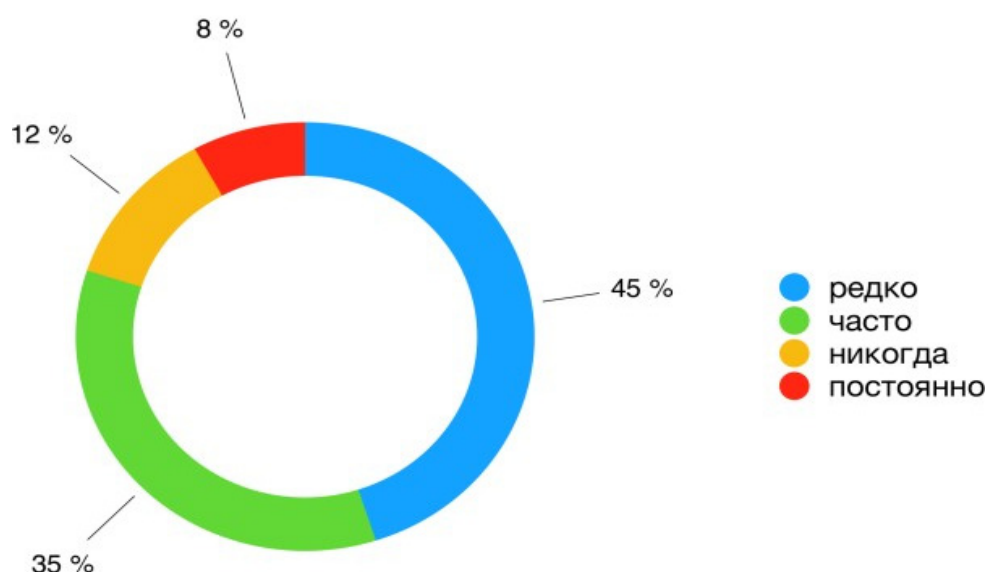
Стоит отметить, что в социальной сети слабо осуществляется контроль за контентом. Несмотря на блокировку крупных сообществ, содержащих противозаконную информацию, ряд пабликов остаётся незамеченным контролирующими органами, а вместо удалённых появляются новые. В результате деструктивный контент снова оказывается в свободном доступе, а некоторые сообщества, прямо не нарушающие закон, но размещающие противоречащие нормам этики и разрушающие ценностные ориентиры материалы, продолжают собирать миллионы пользователей.

На Рисунках 4 и 5 представлены выявленные угрозы психологическому здоровью, с которыми сталкиваются молодые люди.

Почти все они (92 %) столкнулись с информацией, фото или видео, содержащими сцены жестокости и насилия. Кроме этого, молодежь отмечает, что постоянно сталкиваются с оскорблением, унижением, пропагандой наркотиков, алкоголя, табакокурения, изображениями сексуального характера, с идеями радикализма и экстремизма.

Рисунок 4.

Частота встречаемости угроз от пользователей сети

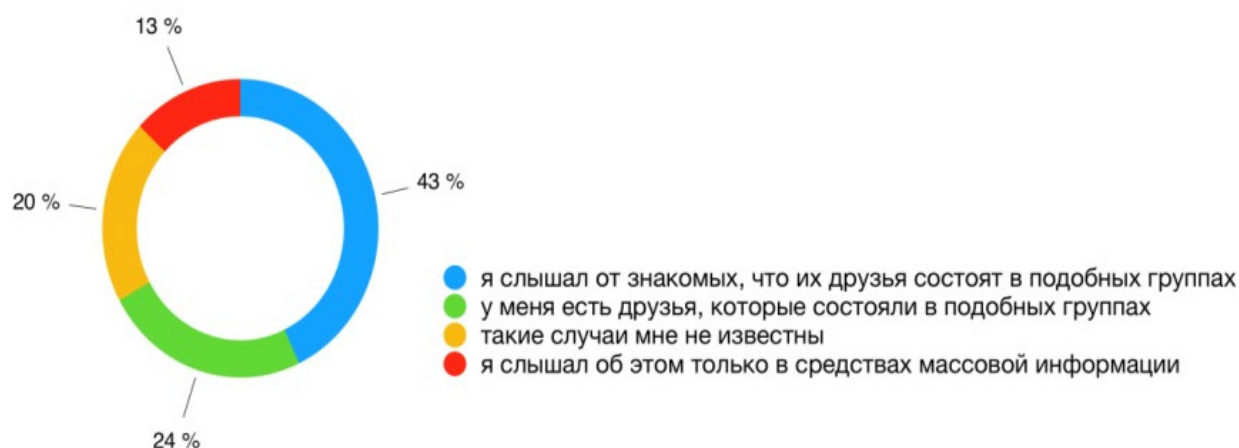
Каждый второй молодой человек сталкивался с пропагандой самоубийства (48 %), каждый третий указал, что личная информация, размещённая на странице в социальной сети, была использована против него (37 %). Кроме этого, они сталкивались с мошенничеством и взломом своего профиля в социальных сетях. Процентное соотношение столкновений с угрозами социальной сети ВКонтакте представлено на рисунке 3.

Виды угроз психологическому здоровью школьников в социальных сетях

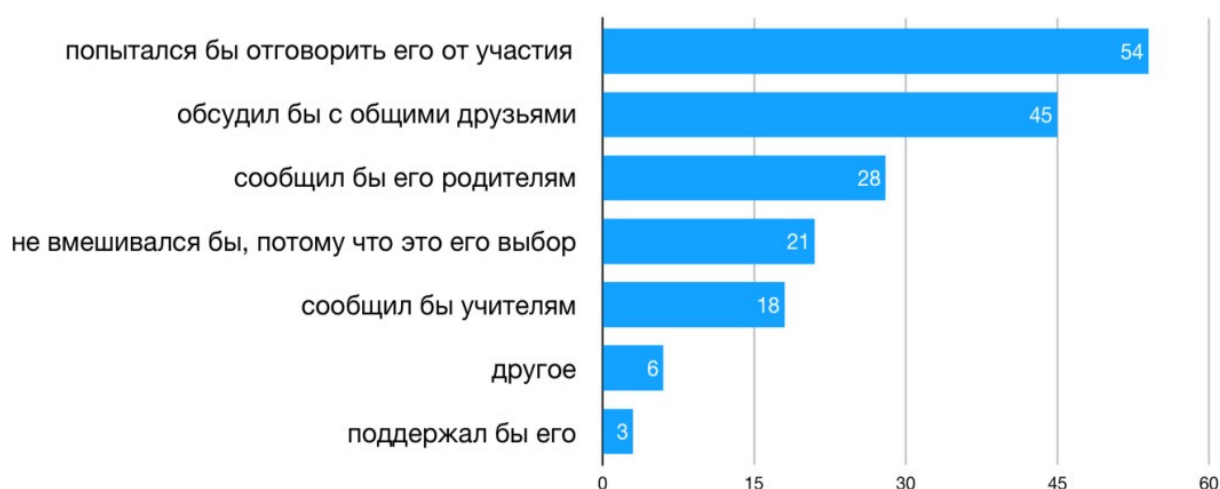
Особенно важно подчеркнуть, что почти каждый второй в той или иной форме сталкивался с пропагандой самоубийства. С одной стороны, это были контентные риски, которые встречаются в текстах, фотографиях, видео, не воспринимая всерьез подобную информацию, а с другой – реальные угрозы психологическому здоровью, а в некоторых случаях даже жизни. Больше половины молодых людей говорят о том, что их друзья или друзья знакомых состояли в группах суицидального характера. Всего лишь 13% подростков отметили, что подобную информацию узнали только из средств массовой информации, и ещё 20 % опрошенных указали, что такие случаи им неизвестны. Последний показатель вызывает достаточно большие сомнения и, по сути, подтверждает, что молодые люди испытывают недоверие к тем, кто хочет изучить пространство, в котором они существуют. Результаты, отражающие информированность подростков и молодых людей о случаях участия в группах суицидального характера, представлены на Рисунке 6.

Информированность подростков о случаях участия в опасных группах

Отдельного внимания заслуживают вопросы, отражающие готовность молодых людей поступать тем или иным образом в ситуации, если знакомый им человек стал участником суицидальных групп. Каждый второй (54%) попытался бы сам отговорить потенциальную жертву от участия. Это значит, что, не обладая возможностью оказания компетентной помощи, «помогающий» сам рискует оказаться участником такой же группы или может навредить сообщившему о такой ситуации. Около половины молодых людей (45 %) обсудили бы проблему с общими друзьям; 28 % сообщили бы о проблеме родителям и 18 % – учителям и преподавателям. В то же время каждый пятый подросток заявил, что не готов вмешиваться, ведь «это личный выбор каждого». Такое равнодушие не может не настораживать, поскольку в кризисных ситуациях именно реакция подростков по отношению друг к другу играет зачастую решающую роль. Единичными были такие ответы: «об этом не рассказывают другим вообще-то», «среди моих друзей нет таких придурков», «у меня все друзья нормальные». Полученные данные, представленные на Рисунке 7, в целом подтверждают необходимость обучения цифровой безопасности и медиаграмотности как молодых людей, так и их родителей и преподавателей.

Действия подростка по отношению к другу, попавшему «в игру»

Для выяснения места, которое занимают интернет и социальные медиа в жизни подростка и молодого человека, были поставлены ряд вопросов, напрямую не связанные с интернет-средой, о значимых для респондентов воспоминаниях. Среди ярких воспоминаний они назвали преимущественно положительные события из жизни вне сетевого пространства: путешествия вместе с родителями, поездки с друзьями, появление в квартире домашних животных, совместную с родителями подготовку к праздникам, рождение младших членов семьи, победы на соревнованиях – то есть те события, которые связаны с родными и близкими людьми и личными победами. Семья в этих событиях занимает ведущее место, что противоречит предыдущим ответам о недоверии своим родителям и подтверждает непонимание подростками и молодыми людьми правил поведения в сетевом пространстве.

Разрушительное воздействие медиамема проявляется в вытеснении из сознания молодых людей традиционной ценности-мишени путём её дискредитации и обесценивания с дальнейшим замещением образовавшейся пустоты встроенной в смысловое ядро антиценностью. Ироничный подтекст медиамема, отключая механизмы критического мышления молодого человека, что позволяет быстро выразить скептическое отношение к традиционным ценностям, подвергнуть их коррозии и последующей замене. Обязательным условием усвоения антиценности является её повторение в других медиамемах, распространяемых с разными временными

интервалами и образующих в совокупности тематическую группу на похожей образно-смысловой основе. Схематично этот процесс представлен на Рисунке 8.

Рисунок 8

Механизм трансформации ценностей в антиценности

Такой способ воздействия на формирование и изменение моделей поведения подростков и молодых людей является ведущим в исследуемом нами контенте популярных пабликов сети ВКонтакте. Высмеивая традиционные ценности, подрывая традиции и устои, заменяя ценностные ориентиры деструктивными моделями поведения, создатели контента дезориентируют подрастающее поколение в категориях «добро – зло», «прекрасное – ужасное» и других, формируя искажённое представление о морали и нравственности.

Согласно выводам участников форума «Цифровая гигиена. Молодёжь в сети», социальные медиа не только загрязнены информационным мусором, но и заражены деструктивным контентом, опасным для жизни и психического и физического здоровья подростков и молодых людей. В социальном пространстве рунета в деструктивные течения вовлечено более 7 млн подростков, «каждый третий из них находится в обработке у профессиональных манипуляторов, которые разрушают базовые ценности и раскачивают его на деструктивные действия в реальной жизни» [40].

Под информацией нежелательного характера, которая несёт в себе контентные риски, исследователи понимают «различные информационные ресурсы (тексты, картинки, аудио, видеофайлы, ссылки на сторонние ресурсы), содержащие противозаконную, неэтичную и вредоносную информацию», к которой относится запрещённый 149 Федеральным законом [41] контент.

В сети Интернет такую информацию можно встретить практически везде: в социальных сетях, блогах, торрентах, персональных сайтах, видеохостингах. Не являются исключением и мобильные сервисы.

Распространение неэтичной и вредной информации преследуется по Федеральному закону РФ № 436-ФЗ [42] (контент, запрещённый к распространению среди детей и подростков). К такому контенту относится распространение через интернет наркотических веществ, порнографических материалов с участием несовершеннолетних, призывы к разжиганию национальной розни и экстремистским действиям. В российском законодательстве есть возможность в соответствии со статьями привлечь к административной и уголовной ответственности за распространение подобного негативного контента владельцев сайтов и авторов таких электронных текстов и видеопродукции.

В то же время, как отмечают исследователи, «неэтичный, противоречащий принятым в обществе нормам морали и социальным нормам контент не запрещён к распространению, но может содержать информацию, способную оскорбить пользователей и оказать вредоносное воздействие. Подобная информация не попадает под действие Уголовного кодекса, но может оказать негативное влияние на психику человека, особенно ребенка» [43]. Примерами таких материалов могут служить широко распространённые в сети изображения сексуального характера, агрессивные онлайн-игры, азартные игры, пропаганда нездорового образа жизни (употребление наркотиков, алкоголя, табака, анорексии, булимии), подстрекательство к причинению вреда здоровью и жизни (пропаганда различных способов самоубийства, аудионаркотиков, курительных смесей). Под определение проблематичного или «опасного» контента подпадают разнообразные материалы, но большинство исследователей фокусируются на тех, которые содержат сцены насилия (фильмы, музыка, изображения) и порнографию.

Подписываясь на определённые группы, человек сам формирует персональную информационную повестку. Настраивая ленту под свои запросы, пользователь ограждает себя от проникновения другой информации, но этот же процесс может стать ловушкой для подростка, ограничивающего себя пубliками, зачастую содержащими некачественный и недостоверный контент.

§ 4. Правовые и организационные основы противодействия радикализации молодежи

Правовую основу противодействия радикализации всех общественных объединений, социальных групп, граждан, иных субъектов составляют Конституция Российской Федерации, общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации, федеральные и федеральные конституционные законы, нормативные правовые акты Президента Российской Федерации, нормативные правовые акты Правительства Российской Федерации, а также принимаемые в соответствии с ними нормативные правовые акты других федеральных органов государственной власти (Рисунок 9).

Конституционные основы заложены частью 5 статьи 13 Конституции РФ, которая запрещает «создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни» [44].

Рисунок 9

Правовые основы противодействия радикализации молодежи

1. Конституция Российской Федерации

2. Международные договоры

Многосторонние: Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом: Шанхай, 14 июня 2001 г.

Двухсторонние: Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Сербии о сотрудничестве в борьбе с терроризмом: Белград, 18 июня 2020 г.

3. Федеральные и федеральные конституционные законы

Многосторонние: Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 14 июня 2001 года, г. Шанхай

4. Нормативные правовые акты Президента Российской Федерации

О военно-патриотических молодежных и детских объединениях: Постановление Правительства Российской Федерации от 24 июля 2000 года № 551

5. Нормативные правовые акты Правительства Российской Федерации

О военно-патриотических молодежных и детских объединениях: Постановление Правительства Российской Федерации от 24 июля 2000 года № 551

6. Нормативные правовые акты федеральных органов государственной власти

Об утверждении информационных и методических материалов по развитию у детей и молодежи неприятия идеологии терроризма и по воспитанию традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Приказ Федерального агентства по делам молодежи от 30 декабря 2019 г. № 463

7. Нормативные правовые акты органов гос. власти субъектов РФ

О краевой комплексной программе реализации государственной молодежной политики в Краснодарском крае "Молодежь Кубани" на 2008 - 2010 годы: Закон Краснодарского края от 11 февраля 2008 г. № 1394-КЗ

Эти положения дополняются частью 2 статьи 29 Конституции РФ, которая конкретизирует отдельные запрещенные совершаемые для достижения перечисленных выше целей действия: пропаганда и агитация, возбуждающие социальную, расовую, национальную или религиозную ненависть и вражду, а также пропаганда социального, расового, национального, религиозного или языкового превосходства. Конституция прописала и запрет на любые формы ограничения прав и свобод граждан по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности либо на основании иных обстоятельств (часть 2 статьи 19 Конституции РФ).

В последние годы экстремизм, радикализм, нацизм, расизм и прочие антисоциальные проявления выходят на международный уровень, «заражая» не только отдельные страны, но и целые регионы антигуманной идеологией. Российская Федерация участвует в ряде международных организаций, нацеленных на искоренение вышеназванных явлений. В частности, одной из важнейших организаций является Шанхайская организация сотрудничества по противодействию экстремизму (ШОС), объединяющая усилия стран, в которых проживает половина населения мира. В июне 2001 года ШОС заключила Конвенцию о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом [45], в которой стороны договорились сотрудничать и оказывать друг другу содействие в вопросах борьбы с насильственным захватом власти, изменением конституционного строя государства, насильственными посягательствами на общественную безопасность, а также с деяниями, направленными на нарушение территориальной целостности государства, совершаемыми насильственным путем, а равно планирование и подготовка такого деяния. В этих целях стороны обязались обмениваться друг с другом оперативно значимой информацией, выполнять поступающие от других государств-участников запросы о проведении оперативно-разыскных мероприятий, разрабатывать и принимать согласованные меры по предупреждению, выявлению и пресечению проявлений экстремизма, сепаратизма, терроризма, их финансирования, оказания иного содействия лицам и организациям, участвующим в этих деяниях, а также реализовывать иные формы сотрудничества в данном направлении. Помимо этого, стороны договорились выполнять условия ряда соглашений и конвенций ООН, указанных в приложении: Гаагской конвенции о борьбе с незаконным захватом воздушных судов (16 декабря 1970 г.), Международной конвенции ООН о борьбе с захватом заложников (17 декабря 1979 г.), Венской конвенции о физической защите ядерного материала (3 марта 1980 г.), Международной конвенции ООН о борьбе с финансированием терроризма (9 декабря 1999 г.) и др.

В 2019 году Россия ратифицировала Конвенцию Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму [46; 47], которой дополнительно предусмотрены меры профилак-

тики экстремизма, сепаратизма, радикализма, в том числе усиление пограничного сотрудничества Сторон по предотвращению проникновения членов экстремистских организаций на территорию государств – членов ШОС, усиление пропагандистской деятельности по противодействию экстремизму и контрпропагандистской работы против распространения экстремистской идеологии, ограничение доступа к экстремистским материалам, размещенным в информационно-телекоммуникационных сетях, повышение уровня профессионализма сотрудников органов, осуществляющих противодействие экстремизму и др.

Ряд конвенций и международных договоров, нацеленных на обеспечение прав человека, а, следовательно, и на противодействие любым антигуманным процессам в обществе, заключен в рамках Совета Европы, членом которого Россия является с 1996 года. В частности, 16 мая 2005 года заключена Конвенция об отмыывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма [48], в которой четко определены необходимые меры, которые должны быть реализованы государствами-членами для предупреждения и пресечения преступлений, связанных с отмыыванием денежных средств, в том числе регламентировано право сторон приостанавливать подозрительные экономические операции внутри страны, конфисковывать, изымать и замораживать имущество, представляющее собой доходы или орудия, а также прибыль или иные выгоды, полученные от доходов, имущества. Стороны в максимально возможной степени обязаны оказывать содействие друг другу в проведении расследований, в определении и отслеживании орудий, доходов и другого имущества, подлежащего конфискации, принимать меры по предоставлению и обеспечению сохранности доказательств в части существования, местонахождения или движения, характера, правового положения или стоимости упомянутого выше имущества, выполнять запросы о предоставлении подробных сведений в отношении установленных банковских счетов и банковских операций.

Среди других конвенций и международных соглашений, действующих на территории России, следует отметить Конвенцию Совета Европы о предупреждении терроризма (Варшава, 16 мая 2005 г.) [49], Ташкентский договор о коллективной безопасности

от 15 мая 1992 года (договор о создании ОДКБ) [50], Соглашение об обмене информацией в рамках СНГ в сфере борьбы с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма, а также их финансированием от 3 ноября 2017 года [51] и др. Российская Федерация заключает и двухсторонние договоры о сотрудничестве в области противодействия терроризму, экстремизму, радикализму [см., напр.: 52, 53, 54, 55, 56 и др.], которые предусматривают более конкретные меры и их подробную регламентацию.

Отметим, что международно-правовые акты, устанавливая основы противодействия экстремизму и терроризму, не делают акцента ни на радикализме как крайних формах и методах рассматриваемых антисоциальных деяний, ни на молодежной преступности. Считаем, что этот факт не только негативно сказывается на эффективности борьбы с этими явлениями, но и не позволяет устранить причины и условия их появления. Основная «мишень» здесь – идеологическая: экстремист, получая от целенаправленного мотиватора заряд неприятия, необъективности сложившегося в обществе порядка, его отторжения, в какой-то момент приходит к выводу о возможности и допустимости применения радикальных мер для противодействия этому общественному порядку или даже для его разрушения. И, конечно, наиболее внушаемой аудиторией выступает молодежь с ее еще не окрепшей жизненной и политической позицией, с одной стороны, и с ее желанием заявить о себе в обществе, с другой стороны. На то, что молодежью удобно манипулировать вследствие недостаточности у ее представителей социального опыта, «излишне эмоциональной оценки событий и реакции на них» указывала и Л. С. Рубан [57, с. 28-30]. Поэтому именно молодежь была и будет той основной целевой аудиторией, на которую направлено внимание политтехнологов, намечающих преобразования в обществе и в государстве.

Обратимся далее к рассмотрению российского законодательства в сфере рассматриваемой проблематики.

В развитие Конституции РФ в настоящее время действует три федеральных закона, раскрывающие основные цели и задачи государства по вопросам противодействия и экстремизму, терроризму и фашизму, а также недопущению их проявлений: «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной

войне 1941 – 1945 годов» от 19 мая 1995 № 80-ФЗ [58], «О противодействии экстремистской деятельности» от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ [59], «О противодействии терроризму» от 6 марта 2006 г. №35-ФЗ [60]. Если обратить внимание на даты принятия этих законов, можно отметить, что российское законодательство в рассматриваемой сфере развивалось в сторону конкретизации как запретов антисоциальных проявлений, так и мер противодействия им.

Проблема терроризма и эффективности борьбы с ним резко обострилась после распада СССР, однако в начале 90-х годов не было не только понимания того, как противостоять антигуманным проявлениям в обществе и угрозам его безопасности, но и не было должного взаимодействия между государственными органами. Поэтому не случайно первым из этих законов стал закон «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов», который впервые разграничил деяния, относящиеся к экстремистской деятельности. Важнейшими положениями закона являются признание одним из основных направлений государственной политики Российской Федерации по увековечению Победы советского народа в Великой Отечественной войне борьбы с проявлениями фашизма и запрет использования в любой форме нацистской символики как оскорбляющей многонациональный российский народ. Однако никаких детальных разъяснений этот закон не содержит.

Еще одним важным законом в рассматриваемой сфере является принятый в 2002 году Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности». Ему предшествовало осложнение этнополитической ситуации на Северном Кавказе в связи с установлением антиконституционного режима после распада СССР и неспособностью органов государства оказать действенное сопротивление террористическим группировкам, защитить жизнь, здоровье и имущество мирных граждан, в то время как проводимые миротворческие инициативы носили эпизодический характер и не имели никакого результата. Неоднократно с 1991 до 2002 года в официальных документах Государственной Думы ФС РФ, Президента РФ, Правительства РФ, других государственных органов [см., напр.: 61, 62] звучали призывы к сторонам конфликта о немедленном прекращении военных действий, а также требования к органам прокуратуры, органам безопасности и внутренним

дел Российской Федерации сделать все, чтобы восстановить мир и правопорядок в регионе, при этом, чтобы «ни один убийца, ни один насильник, ни один подстрекатель не ушел от ответственности за содеянное, от возмездия правосудия».

Одной из предпосылок к принятию вышеуказанного закона стало увеличение в России числа случаев разжигания социальной, расовой, национальной и религиозной розни, распространения идей фашизма. Как указал Президент Российской Федерации: «Антиконституционная деятельность экстремистски настроенных лиц и объединений приобретает все более широкие масштабы и дерзкий характер; создаются незаконные вооруженные и военизированные формирования; нарастает угроза срачивания последних с некоторыми профсоюзными, коммерческими, финансовыми, а также криминальными структурами» [63]. В 1997 году при Президенте Российской Федерации создана комиссия по противодействию политическому экстремизму [64], утверждена Концепции национальной безопасности Российской Федерации [65], однако принятыми мерами не удалось стабилизировать обстановку в стране. Не изменилась ситуация и после принятия в 1998 году Федерального закона «О борьбе с терроризмом» [66].

В 1999 году в своем заявлении Государственная Дума ФС РФ отметила не только неэффективность принимаемых мер, но и их несоответствие существующим вызовам, необъективность освещения политических экстремистских проявлений в средствах массовой информации и, как следствие, – формирование у населения страны и мирового сообщества ложного представления о России, манипулирование общественным мнением; в свою очередь, искаженные ориентиры не позволяют выработать действенный механизм противодействия экстремизму и терроризму [67].

В 2001 году постановлением Правительства РФ утверждена специальная программа [68], основной целью которой заявлено формирование установок толерантного сознания, определяющих устойчивость поведения в обществе отдельных личностей и социальных групп. Программа предусматривала реализацию комплекса мероприятий по воспитанию подрастающего поколения в духе миролюбия, веротерпимости и толерантности, повышения социальной роли семьи, пропаганде миролюбия на базе системы образования. Однако эффект от реализации этих мер реализация

этой программы ожидаемого эффекта не произвела. Программа была прекращена раньше намеченных сроков [69].

В 2002 году Президент России заявил, что правоохранительные органы «не имеют достаточно эффективных инструментов для привлечения к ответственности организаторов и вдохновителей этих <экстремистской направленности> преступлений» [70]. Принятый в июле 2002 года закон «О противодействии экстремистской деятельности» [59] должен был конкретизировать имеющиеся правовые ресурсы и мобилизовать их. В частности, закон обозначил действия, подпадающие под понятие экстремистской деятельности, и то, какие материалы следует относить к экстремистским: «если их содержание направлено на формирование положительного (одобрительного) отношения к экстремистской деятельности», установил порядок их внесения в федеральный список экстремистских материалов и порядок доступа к этому списку, а также определил основные направления противодействия экстремистской деятельности. Закон и сегодня имеет важнейшее значение как предусмотревший действенный механизм сдерживания идеологии национализма, шовинизма, радикализма, сепаратизма и иных экстремистских идей.

Вместе с тем закон предусмотрел только основы правового регулирования противодействия экстремизму.

Как известно, экстремизм имеет множество проявлений: ксенофобия, политический, националистический, религиозный, экологический, антиглобалистский, моральный, молодежный экстремизм и др. Меры противодействия экстремизму должны учитывать особенности каждого из этих проявлений, только в этом случае их эффективность будет адекватной складывающимся угрозам обществу и государству. Поэтому представляется обоснованным наряду с принятым законом, урегулировавшим общие положения в сфере противодействия экстремизму, разработать законодательные положения, направленные на нейтрализацию и недопущение отдельных его видов и проявлений.

В частности, принятый в марте 2006 года Федеральный закон «О противодействии терроризму», заменивший ранее действовавший Федеральный закон от 25.07.1998 № 130-ФЗ «О борьбе с терроризмом», и сейчас является основным нормативным актом о борьбе с терроризмом, он определил основные понятия в этой

сфере («терроризм», «террористическая деятельность», «террористический акт» и др.), сформулировал важнейшие принципы противодействия терроризму, установил задачи и компетенцию органов государственной власти (Президента Российской, Правительства Российской Федерации, федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации) и органов местного самоуправления по борьбе с терроризмом, регламентировал конкретные мероприятия, реализуемые в рамках проведения контртеррористической операции. Кроме того, большое внимание закон уделил организации взаимодействия органов власти в вопросах борьбы с терроризмом, а также профилактике и устранению угроз терроризма.

В 2020 году принята Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года [71], в которой отмечена тенденция к дальнейшему распространению радикализма среди отдельных групп населения и обострению внешних и внутренних экстремистских угроз. Среди основных источников угроз экстремизма в современных российских условиях Стратегия называет информационно-телекоммуникационные сети, включая сеть "Интернет", которые используются «для привлечения в свои ряды новых членов, организации и координации совершения преступлений экстремистской направленности, распространения экстремистской идеологии». При этом Стратегия констатирует увеличение числа случаев «привлечения в ряды экстремистских организаций несовершеннолетних лиц, поскольку они не только легче поддаются идеологическому и психологическому воздействию, но и при определенных обстоятельствах не подлежат уголовной ответственности». Внимание Стратегии акцентировано на таких проявлениях как дистанционная вербовка людей через Интернет, использование информационно-телекоммуникационных сетей для подготовки террористов-одиночек, распространение радикальных взглядов среди трудовых мигрантов, прибывающих в Россию, распространение радикализма в спортивной сфере, проникновение приверженцев экстремистской идеологии в тренерско-преподавательский состав. Указано, что «Специальные службы и организации отдельных государств наращивают информационно-психологическое воздействие на население России, прежде всего на молодежь, в целях размывания традиционных российских духовно-

нравственных ценностей, дестабилизации внутривнутриполитической и социальной обстановки».

Значение Стратегии состоит в том, что это «базовый» документ, установивший ориентиры на ближайшее время, определенные исходя из анализа основных источников угроз экстремизма, и принципы их достижения. Как будут достигаться поставленные цели, какие инструменты и механизмы их реализации должны быть задействованы, документ указывает только в общих чертах. Разработка плана мероприятий по реализации Стратегии отнесена к компетенции Правительства Российской Федерации, а ее реализация – к компетенции субъектов противодействия экстремизму, а также институтов гражданского общества и иных заинтересованных организаций.

Считаем, работа в этом направлении должна быть организована в двух направлениях – профилактика экстремизма и выявление и пресечение экстремистских проявлений.

Представляется, что профилактические меры противодействия экстремизму в молодежной среде, в первую очередь, должны включать мероприятия, направленные на выработку высокого иммунитета против экстремистской идеологии. Успех экстремистской пропаганды обусловлен слабыми знаниями о религии, складывающейся политической обстановке, а также уровнем моральных и идеологических ценностей молодых людей. Поэтому упор должен быть сделан на воспитательные меры с использованием всех доступных площадок – семья, учебные учреждения, учреждения культуры, средства массовой информации, Интернет-ресурсы и т.п. При этом все мероприятия должны осуществляться на постоянной основе системно, взаимосвязано. Основные идеи, которые необходимо донести и закрепить в сознании подрастающего поколения – о самоидентификации народа, гордости за его историческое прошлое, культуру, страну, формирование чувства независимости, самодостаточности, осознание собственных возможностей. Больше внимания уделять просветительской и пропагандистской работе, при этом вся информация должна быть аргументирована. Большое значение имеет и подача фактов для молодых людей – она должна быть емкой, но информативной и достоверной и сопровождаться логическими выводами. В системе образования необходимо увеличить количество часов, посвященных

изучению истории России, ее культуры, включить основы религиоведения, шире освещать политические события новейшей истории. Пояснять подрастающему поколению его роль и ответственность за будущее страны и общества. Материал подавать доступно, интересно, используя новейшие разработки педагогической и психологической наук. Выработать систему стимулов для освоения этих знаний.

Также следует разрабатывать и реализовывать мероприятия, направленные на сплочение общества, не дать молодым людям «замкнуться» в Интернете, поощрять и популяризировать совместные виды деятельности, используя положительный опыт молодежных и юношеских организаций СССР: волонтерское движение, движение защитников природы, участие в работе стройотрядов, спортивных, культурно-просветительских мероприятиях и других, при участии в которых молодые люди могут самореализоваться и получить должный вектор социальной адаптации.

Работа по созданию таких молодежных объединений уже ведется в России еще с начала 2000-х годов. Так, в 2000 году Постановлением Правительства РФ созданы военно-патриотических молодежные и детские объединения, в задачи которых наряду с военно-патриотическим и гражданским воспитанием, физическим развитием молодежи, изучением истории и культуры страны входит и противодействие проявлениям политического и религиозного экстремизма в молодежной среде [72]. Однако результаты деятельности этой организации должного освещения не получил, а опыт ее работы не проанализирован и не распространен.

Большой вклад в укрепление идеологической устойчивости молодежи могут и должны внести средства массовой информации. Через СМИ и литературу необходимо популяризировать идеи патриотизма, единства народа, уважения исторического прошлого нашей страны, воспитывать у молодых людей чувства ответственности, добросовестности, исключить практику одобрения образа жизни «золотой молодежи». Как справедливо отметил В.С. Олейник, вся эта работа должна вестись на высоком профессиональном уровне, методично, регулярно и непрерывно. «Должен быть информационный поток самых различных материалов: диспуты, круглые столы, встречи, фильмы, спектакли, шоу, публикации во

всех жанрах как художественной литературы, так научной и публицистической» [73, с. 110].

Другое важное направление – выявление и устранение факторов воздействия на российскую молодежь с целью склонения к совершению экстремистской и террористической деятельности. И в этом направлении наряду с теми мероприятиями, которые традиционно осуществляют российские правоохранительные органы можно и нужно активнее использовать иностранный опыт работы. Так, представляется интересным метод деятельности спецслужб Германии, получивший название «растровый розыск потенциальных преступников», который заключается в получении с помощью специально разработанной компьютерной программы из всех возможных информационных источников и баз данных сведений о людях, высказывающих экстремистские идеи [74, с. 101].

Представляется полезным и опыт создания в 2004 году в Германии Антитеррористического ситуационного центра (Anti-Terror-Lagezentrum), основной задачей которого является сбор и анализ сведений об угрозах террористического и экстремистского характера, обеспечение оперативного обмена информацией между спецслужбами и иными силовыми ведомствами, принимающими участие в борьбе с терроризмом и экстремизмом. Силовые ведомства также получили право требования от интернет-провайдеров и телефонных компаний информации о контактах и данных пользователей [75, с. 12]. В России в целях обеспечения реализации государственной политики в области противодействия экстремизму, координации деятельности органов власти создан подобный орган – Межведомственная комиссия по противодействию экстремизму в Российской Федерации [76], основными задачами которой указаны мониторинг, анализ и оценка состояния противодействия экстремизму в России, разработка на основе анализа мер, направленных на противодействие экстремизму и на устранение способствующих ему причин и условий, а также участие в международном сотрудничестве в области противодействия экстремизму. В состав Межведомственной комиссии помимо руководителей МВД, ФСБ, Росгвардии и некоторых других силовых структур, включены министры спорта, культуры, науки и высшего образования, просвещения, цифрового развития, связи и массовых коммуникаций, цифрового развития, связи и массовых коммуникаций,

Директор Росфинмониторинга, Руководитель Роскомнадзора и др. руководители государственных органов. Однако принципиальным отличием нашей модели является то, что органы власти осуществляют информационное взаимодействие через созданную центральную структуру, что несколько снижает оперативность в доведении информации до сведения заинтересованных ведомств.

Наряду с этим среди мер по противодействию экстремизму необходимы и такие, которые сдерживали бы агрессивную деятельность радикальных сил, сосредотачивающих свою деятельность на усилении антиправительственных, сепаратистских, иных деструктивных настроений, в том числе укрепление правоохранительных органов, разработка и реализация программ дерадикализации, создание условий для развития институтов гражданского общества. В идеале – создание в молодежной среде самовоспроизводящейся системы идей, которая способствовала бы формированию позитивного общественного сознания, исключающего, саму возможность использования насилия для достижения каких-либо целей.

Таким образом, на современном этапе развития российского общества основной задачей в сфере противодействия экстремизму среди молодежи является активизация профилактической работы, в основе которой должна лежать выработка иммунитета против экстремистских идеологических установок и разработка конкретных мероприятий, направленных на выявление и пресечение фактов деструктивного воздействия на молодежную аудиторию, используя зарубежный опыт.

Основными направлениями государственной политики в сфере противодействия экстремизму в среде молодежи должны стать:

- организация досуга детей, подростков, молодежи, семейного досуга, обеспечение доступности для населения объектов культуры, спорта и отдыха;
- осуществление мер государственной поддержки системы воспитания молодежи, основанной на традиционных духовно-нравственных ценностях;
- проведение мероприятий, направленных на воспитание традиционных российских духовно-нравственных ценностей, куль-

туры межнационального (межэтнического) и межконфессионального общения, формирование у детей и молодежи общероссийской гражданской идентичности, патриотизма, гражданской ответственности, чувства гордости за Россию, ее историю;

- проведение мониторинга девиантного поведения молодежи, социологических исследований социальной обстановки в образовательных организациях, а также проведение анализа деятельности молодежных субкультур в целях своевременного выявления и недопущения распространения экстремистской идеологии;

- проведение мероприятий по своевременному выявлению и пресечению фактов радикализации несовершеннолетних.

Для достижения положительного эффекта данной работы необходимо:

- целенаправленное формирование единой идеологической политики, акцентированной на стимулировании правомерного поведения и воспитании позитивного правосознания подрастающего поколения;

- создание благоприятных условий для функционирования всех сфер жизнеобеспечения молодежи от практико-ориентированного обучения до проведения досуга;

- осуществление на постоянной основе правового просвещения молодежи как по вопросам противодействия экстремизма (терроризма), так и по другим наиболее социально важным темам;

- в целях искоренения правового нигилизма среди молодежи реализация на плановой основе различных научных представительских форумов, конференций, съездов, викторин под эгидой администрации субъектов Российской Федерации, где к роли организаторов данных мероприятий следует привлекать активных молодых людей, которые будут сами определять наиболее правильный вектор развития профилактической деятельности по тем или иным направлениям.

§ 5. Деятельность органов внутренних дел по предупреждению и пресечению радикализации молодежи в современных социальных реалиях

Федеральным законом «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [77] вопросы противодействия молодежной преступности, в том числе экстремистской направленности постоянно находятся в центре внимания государства. Государственные структуры, работающие в этой сфере, представлены довольно внушительным списком, среди них – органы внутренних дел, которым отведена ведущая роль в деятельности по предупреждению и пресечению экстремизма среди молодежи.

На расширенном заседании коллегии МВД России 20 марта 2023 года Президент Российской Федерации В.В. Путин сказал, что самое серьёзное внимание следует уделять предупреждению подростковой преступности: «Здесь также крайне важен всесторонний, системный подход, поэтому поручил Правительству и Администрации Президента России разработать комплексную программу по профилактике негативных социальных явлений в молодёжной среде». Также Президент обратил внимание на рост преступлений экстремистской направленности, он подчеркнул, что «...провокации, незаконные уличные акции или иные попытки «раскачать» общество должны оперативно пресекаться, точно так же, как и распространение экстремистской идеологии» [78]. В ответ на это Министр внутренних дел В.А. Колокольцев сообщил, что вопросы предупреждения криминализации подростковой среды постоянно находятся в центре внимания полиции, и в этом направлении положительно зарекомендовали себя оперативно-профилактические мероприятия, такие как «Твой выбор», «Помоги пойти учиться», «Защита». Также он отметил, что сотрудники полиции понимают, что крайне важно допустить воздействия на детей и молодежь деструктивной среды и уже на ранних этапах оградить их от негативного влияния. Особенно Министр подчеркнул, что эта работа должна строиться системно и планомерно: «Борьба за умы наших детей требует дальнейшей консолидации усилий всех заинтересованных ведомств» [78].

Основными службами полиции, реализующими превенцию правонарушений среди несовершеннолетних лиц, являются подразделения по делам несовершеннолетних, участковые уполномоченным полиции, патрульно-постовая служба, подразделения по противодействию экстремизму, органы предварительного следствия. В рассматриваемой сфере в круг обязанностей сотрудников подразделения по делам несовершеннолетних входят следующие:

- изучение состава несовершеннолетних, проживающих на обслуживаемой территории, особенностей участка, местных обычаев и традиций;

- налаживание тесного взаимодействия с представителями органов и структур системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, в первую очередь, занимающимися воспитанием, обучением несовершеннолетних, защитой их прав и законных интересов, организующими спортивную, культурно-просветительную и иную работу с несовершеннолетними;

- налаживание доверительных отношений с родителями подростков, в отношении которых имеется информация об их радикальных высказываниях, в целях недопущения девиантного поведения молодых людей и коррекции их взглядов;

- оказание содействия администрациям образовательных учреждений в организации пропаганды правомерного поведения;

- принятие мер по привлечению общественных объединений и представителей традиционных религиозных конфессий к деятельности по профилактике правонарушений несовершеннолетних.

- проведение мероприятий с различными молодежными коллективами, направленных на формирование положительных нравственных качеств, патриотических чувств, толерантного отношения к социальным, культурным, расовым, национальным и религиозным различиям людей;

- осуществление индивидуально-профилактической работы с несовершеннолетними, допускающими совершение антиобщественных действий, причисляющими себя к неформальным молодежным объединениям противоправной направленности, а также с их родителями или иными законными представителями, отрицательно влияющими на несовершеннолетних.

На участковых уполномоченных полиции в рамках профилактики экстремизма в молодежной среде возлагаются обязанности по:

- пропаганде правовых знаний;
- сообщению соответствующим службам и органам о лицах, распространяющих экстремистские материалы, включенные в федеральный список экстремистских материалов, а также осуществляющих их производство либо хранение в целях массового распространения;
- проведению индивидуальной профилактической работы с подростками и несовершеннолетними, входящими в неформальные молодежные объединения противоправной направленности, совершающими административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность.

В полномочия сотрудников подразделений по противодействию экстремизму входят:

- мониторинг СМИ и ресурсов сети Интернет в целях установления фактов опубликованной информации, носящей террористический и экстремистский характер, а также сведений, которые содержат информацию о несанкционированных митингах и акциях протеста,
- осуществление оперативно-разыскных мероприятий по предупреждению преступлений и правонарушений,
- участие в правовой пропаганде и информировании населения о результатах работы.

В работе с молодежью, направленной на предупреждение распространения радикальных идей и пресечение экстремистских проявлений, участвуют и другие службы: уголовного розыска, ГИБДД, ППС, подразделения по вопросам миграции, НЦБ Интерпол, учебные учреждения системы МВД и др. Сотрудники этих служб и подразделений участвуют в организации и проведении индивидуальных профилактических бесед и мероприятий, направленных на:

- информирование молодых людей об опасности экстремизма, разъяснение мер ответственности за правонарушения экстремистской направленности;
- патриотическое и нравственное воспитание обучающихся;

- снижение у обучающихся предубеждений и стереотипов в сфере межличностного и межнационального общения и т.п.

Вместе с тем в деятельности органов внутренних дел на этом направлении имеется ряд проблем.

В частности, известно, что на сегодняшний день в связи со сложившейся политической ситуацией в России заинтересованные иностранные структуры, используя сети Интернет, распространяют ложную информацию, ведут системную работу по подбору и вовлечению молодых людей в террористические и экстремистские организации, иные неформальные молодежные объединения противоправной направленности. Их деятельность дискредитирует государство, сеет недоверие к органам власти, дестабилизирует общество. Завербованные таким образом молодые люди обучаются методам конспирации и способам противодействия правоохранным органам, получают опыт ведения боевых действий и обращения с оружием и по сути становятся потенциальными продолжателями миссии экстремистских организаций на территории России. Центральной проблемой здесь представляется низкая информированность сотрудников полиции о конкретных фактах использования при этом он-лайн социальных площадок («Одноклассники», «ВКонтакте», «Фейсбук», «Инстаграм»), бесплатных мессенджеров («Ватс-ап», «Вайбер», «Телеграм», «Твиттер», «Сигнал»). Такие сведения необходимы полицейским, чтобы уже на первоначальном этапе поступления деструктивной информации к молодому человеку можно было бы целенаправленно воздействовать на этого молодого человека, а в некоторых случаях и на его родителей. В свою очередь, низкая информированность полицейских связана с тем, что в структуре органов внутренних дел мало квалифицированных кадров, на высоком уровне владеющих IT-технологиями, а также с длительностью процесса блокирования деструктивных контентов (в некоторых случаях – с его невозможностью). Кроме кадрового вопроса имеется еще и законодательный аспект этой проблемы. Следовало бы на законодательном уровне выработать механизм получения оперативно значимой информации, связанной с вербовкой лиц экстремистами, от операторов мобильной связи, владельцев Интернет-ресурсов, иных подобных организаций.

Другая проблема организационного характера. В системе МВД имеется самостоятельное специализированное подразделение по противодействию терроризму и экстремизму, что, безусловно, положительно влияет на раскрываемость преступлений данного вида. Однако штатные должности этих подразделений комплектуются исключительно сотрудниками, имеющими юридическое образование. На наш взгляд, учитывая, что наиболее подверженной экстремистской идеологии категорией населения является именно молодежь, было бы правильным иметь в штате этих подразделений должности, предполагающие знание возрастной педагогики и психологии, чтобы максимально быстро и эффективно реагировать на существующие угрозы экстремизма в молодежной среде. Как правильно высказался В.С. Олейник: «Идеологическое противостояние экстремизму в целом и молодежному в частности предполагает как просветительскую профилактику, так и реальную идеологическую практику» [73, с. 110]. Следовательно, практические работники, непосредственно осуществляющие противодействие идеологии насилия и разрушения, должны обладать соответствующими знаниями профессионально.

Заключение

Рост интереса молодежи к радикальным группам, а также навязчивое присутствие нетерпимости в цифровом пространстве становится все более тревожным, особенно в контексте современной политической ситуации в условиях все более активных обсуждений проблем миграции, соблюдения прав человека, гендерном равенстве, проблем борьбы за ценности демократии, борьбы с коррупцией и т.п. вопросов. Понятно, что однозначных ответов на эти вопросы нет и не может быть, а это значит, что при их обсуждении появляется благоприятная почва для «двойных стандартов», и как следствие — для разжигания радикальных и экстремистских настроений в обществе (и так, и так — неправильно, поэтому молодому человеку можно найти множество аргументов, поддерживающих его точку зрения и опровергающих противоположную, а далее остается только внушить идеи о необходимости устранять представителей инакомыслия, в том числе физическом). Конечно подобные политтехнологии «срабатывают» и на других возрастных группах, но подростки, дети, молодые люди в этом отношении более уязвимы для радикализации и вербовки. Этому есть несколько причин.

Во-первых, сегодня все больше информации мы получаем не из средств массовой информации, а из Интернета, поглощая не только официальную информацию, но и информацию из чатов, интервью, онлайн-трансляций, а также из теле- и радиоканалов других стран мира. А как свидетельствуют социологические исследования, подавляющее большинство людей, пользующихся Интернетом, — это дети и подростки, которые относятся к категории молодежи, причем многие подростки ежедневно проводят в сети в среднем по 8 часов.

Во-вторых, молодежь в силу своего не сформировавшегося мировоззрения — легко внушаемая аудитория, и этим пользуются умелые политтехнологии и прочие манипуляторы, чтобы внушить молодым людям некоторые идеи, вывести у них интересующие сведения, спровоцировать их на определенные действия. Созданы все предпосылки к тому, чтобы изменить у молодых людей образ

мышления, взаимодействие с миром и создать новые формы поведения. Часто это «перепрограммирование» происходит в сторону радикализации и заражения экстремистскими идеями.

Работа с молодежью часто сталкивается с требованием превентивных действий против этого явления. Первое, что необходимо вывить – каковы основные факторы, влияющие на радикализацию молодежи, и как им можно противостоять, какими должны быть ответные меры. Государство в лице всех своих органов и структур должно направить все имеющиеся ресурсы на исследование причин радикализации и разработки превентивных программ, политических стратегий и программ наращивания потенциала для специалистов-практиков в области работы с молодежью, чтобы предотвратить «заражение» молодежи деструктивными идеологическими установками воинствующих экстремистов, военизированных формирований или террористических групп.

Понятно, что для такого сложного явления как радикализация молодежи не может быть одной-единственной теории о ее причинах и ключевых факторах или о том, как этим факторам следует противостоять.

Изложенные в настоящей работе положения позволяют нам предложить следующие меры, которые необходимо реализовать в работе с молодежью.

1. Необходимо использовать системный подход к предотвращению насильственной радикализации молодежи, учитывая проблемы межкультурных различий, обеспечения прав человека, воспитания в духе мира, медийной грамотности, воспитания гражданственности и т. д.

2. Развитие культуры отношений с участием молодежи как равноправных горизонтальных, основанных на доверии, так и иерархических, основанных на дисциплине и власти-подчинении, поясняя подрастающему поколению необходимость и возможность тех и других моделей поведения. Причем создание партнерских отношений молодых людей с представителями других возрастных групп общества имеет решающее значение для передачи молодежи идеологических ценностей и ориентиров, выработанных обществом на протяжении многих веков.

3. Расширение прав и возможностей молодых людей и развитие их компетенций, что даст им больше возможностей и лучшие

перспективы на будущее в личной и профессиональной жизни. В первую очередь, чтобы предотвратить радикализацию, нужно удовлетворить потребность молодежи в поиске ненасильственной социальной и политической идентичности. Этого можно достичь, если правительству сосредоточатся на установлении доверия молодежи посредством их равноправного участия в формировании государственной политики и будущего своей страны.

4. Необходимо молодым людям предложить альтернативы и образцы для подражания.

5. Важно недвусмысленно развенчивать и пресекать распространение сообщений и информации радикального толка, подстрекающими к насилию, разжиганию ненависти, чаще проводить профилактические тематические беседы с молодыми людьми, развивая у них критическое мышление, общение с молодежью всегда должно вестись открыто и честно.

6. Профилактическая работа должна проводиться молодыми людьми в трех основных направлениях:

- с лицами, которые еще не радикализированы, но подвергаются радикальному влиянию;

- с лицами, подверженными высокому риску когнитивной радикализации или насильственного экстремизма из-за близости к радикальным и вербовочным сетям;

- с лицами, которые приняли экстремистские идеи, но которые, возможно, не совершали никаких насильственных нападений.

Все профилактические меры не должны проводиться формально, а должны в большей степени фокусироваться на индивидуальных мерах безопасности и судебных мерах, таких как охрана общественного порядка, дерадикализация и реинтеграция заинтересованных лиц.

Литература

1. Большой энциклопедический словарь / под ред. А. М. Прохорова. – М.-СПб, 1997. – 1456 с.
2. Ожегов С.И. Словарь русского языка. – М., 1991. – 917 с.
3. Макаров Н.Е., Дондоков Ц.С. Понятие и идеология экстремизма в современных условиях // Закон и армия. 2005. – № 11. – С. 57-60.
4. Манацков И. В. Военно-геополитический аспект международной террористической деятельности: монография. – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2010. – 180 с.
5. Управление межэтническими и конфессиональными отношениями: теория и практика / Под ред. И.В. Стародубровской. – Москва: Проспект. – 2020. – 318 с.
6. Della Porta D. Leaving underground organizations: A sociological analysis of the Italian case, Tore Bjørge, John Horgan (eds.) Leaving terrorism behind: Individual and collective disengagement, Abington, Routledge, 2008. – P. 66-87.
7. Sedgwick M. 2010. The Concept of Radicalisation as a Source of Confusion // Terrorism and Political Violence. – Vol. 22. – №. 4. – P. 479-494.
8. Сакаев В.Т. Понятие радикализации: обзор научных подходов в современной зарубежной литературе // Антиномии. – 2021. – Т. 21. – Вып. 2. – С. 45–72.
9. Schmid A.P. Radicalisation, De-Radicalisation, Counter-Radicalisation: A Conceptual Discussion and Literature Review. – ICCT Research Paper. The Hague: International Centre for Counter-Terrorism, 2013.– 91 p.
10. Bötticher A. Towards Academic Consensus Definitions of Radicalism and Extremism // Perspectives on Terrorism. – The Hague, 2017. – Vol. 11. – №. 4. – Pp. 73-77.
11. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации // URL: http://crimestat.ru/offenses_map (дата обращения: 25.02.2023).
12. Состояние преступности: официальный сайт МВД России // URL: <https://мвд.рф/folder/101762> (дата обращения: 25.02.2023)

13. В России в 2006 году впервые остановлен рост компьютерных преступлений // URL: <http://www.zakon.kz/82167-v-rossii-v-2006-godu-vpervye-ostanovlen.html> (дата обращения: 20.02.2023).

14. Теоретические основы исследования и анализа латентной преступности: Монография / Под ред. Иншакова С. М. Москва: ЮНИТИ-ДАНА, 2011. – 839 с.

15. Старичков М. В. Умышленные преступления в сфере компьютерной информации: уголовно-правовая и криминологическая характеристики: 12.00.08 : Дис. ... канд. юрид. наук. – Иркутск, 2006. – 237 с.

16. Гореткина Е. Компьютерная грамотность в России: ситуация, проблемы и перспективы // URL: <https://www.itweek.ru/digitalization/article/detail.php?ID=201876> (дата обращения 16.02.2023).

17. Никишин Д.Л., Орешкова Д.О. Краткий аналитический анализ уголовно-правовой борьбы с преступлениями в сфере компьютерной информации // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2021. – № 2 – С. 116-121.

18. Петрищева Е.Г. Последствия ускоренного развития цифровизации на фоне пандемии // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. – 2020. – № 5. – С. 34-36.

19. Малькевич А. Кибербезопасность у нас была пущена на самотек // URL: <https://radiosputnik.ria.ru/20220520/malkevich-1789846077.html> (дата обращения 25.02.2023).

20. Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации и расчетные варианты ее развития : аналитический обзор / Ю. М. Антонян, Д. А. Бражников, М. В. Гончарова и др. – М. : ФГКУ «ВНИИ МВД России», 2018. – 86 с.

21. Приговор № 1-68/2020 от 21 июля 2020 г. по делу № 1-68/2020 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 25.03.2023).

22. Приговор № 1-59/2020 1-620/2019 от 6 июля 2020 г. по делу № 1-59/2020 // URL: <https://sudact.ru/regular/doc/> (дата обращения: 25.03.2023).

23. Новиченко О. В. Ценностные ориентации современной Российской молодежи // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2013. № 03–04. – С. 84–88.

24. Вараксин А. В. Влияние социальных сетей на формирование ценностных ориентиров современной молодежи // Преподаватель XXI век. – 2016. – № 2. – С. 205–212.

25. Каган М. С. Философская теория ценности. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1997. – 205 с.

26. Южанинова Е. Р. Классификация ценностей Всемирной компьютерной сети // Science and World. – 2013. – № 2 (2). – С. 117-120.

27. Баева Л. В. Экзистенциальные ценности и риски в электронной культуре // Модернизация культуры: судьба ценностей в современном мире. – Материалы VI Международной научно-практической конференции. – Самара, 2018. – С. 5–10.

28. Соколова Н. Л. Популярная культура в эпоху «новых» медиа: социальный анализ культурных практик: Дис. ... д-ра филос. наук. – Самара, 2011. – 354 с.

29. Ценности культуры и творчество (вербализация культурных смыслов в тексте): Коллективная монография / Под ред. И. В. Ерофеева. – Чита: Забайкал. гос. гум.-пед. ун-т., 2011. – 291 с.

30. Алексеева А. О. Новые интерактивные медиа в контексте теорий информационного общества: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2006. – 24 с.

31. Черняева К. О. Культурная идентификация в условиях глобализации: случай социальных сетей: Дисс. ...канд. соц. наук. – Саратов, 2010. – 158 с.

32. Новое поколение интернет-пользователей: исследование привычек и поведения российской молодежи онлайн. – 2017. – Февр. – URL: <https://www.thinkwithgoogle.com/intl/ru-ru/insights-trends/user-insights/novoe-pokolenie-internet-polzovatelei-issledovanie-privychek-i-povedeniia-rossiiskoi-molodezhi-onlain/> (дата обращения: 02.03.2023).

33. Ефанова Е. В., Мельниченко Д. В. Социальные медиа как инструмент публичной политики в современной России // Известия Саратовского ун-та. – Новая серия. Серия: Социология. Политология. – Саратов, 2018. – Т. 18. – Вып. 1. – С. 92–95.

34. Проскуряков М. Р. Дискурс социальных медиа как сфера государственной коммуникации // Управленческое консультирование. – 2014. – № 5 (65). – С. 19–24.

35. Гандалоева М.Т. Социальные медиа как социокультурный и политический феномен // Среднерусский вестник общественных наук. – 2015. – № 1 (37). – С. 18–24.

36. Дукин Р. А. К вопросу определения понятия «социальные медиа» // Общество: социология, психология, педагогика. – 2016. – № 4. – С. 37–39.

37. Дорощук Е. С. Социальные медиа как инструмент диалога культур // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2017. – № 2 (24). – С. 52–59.

38. Драгунова И. В. Социальные медиа как коммуникационный канал интернет-маркетинга: дефиниция и эволюция развития // Вестник Волжского университета имени В. Н. Татищева. – 2017. – Т. 1. – № 1. – С. 155–164.

39. Лазуткина Е. В. Основные формы манипуляции информацией в социальных медиа рунета // Знак: проблемное поле медиаобразования. – 2017. – № 2 (24). – С. 221–225.

40. Касперская Н. И. Проблема деструктивных движений в Рунете // Цифровая гигиена. Молодёжь в сети. – 28.03.2019. – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=6v87ZM7oHO8> (дата обращения: 26.03.2023).

41. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27 июля 2006 № 149-ФЗ (в ред. от 01.03.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102108264> (дата обращения: 01.04.2023).

42. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию: Федеральный закон от 29.12. 2010 № 436-ФЗ (в ред. от 09.01.2023) // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody&nd=102108264> (дата обращения: 01.04.2023).

43. Годик Ю. О. Угрозы и риски безопасности детской и подростковой аудитории новых медиа // Медиаскоп. – 2011. – № 2. – URL: <http://www.mediascope.ru/node/841> (дата обращения: 01.04.2023).

44. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. – 1993. – 25 декабря.

45. Шанхайская конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом от 14 июня 2001 года, г. Шанхай // URL: <http://kremlin.ru/supplement/3405> (дата обращения: 01.04.2023).

46. Конвенция Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму от 09.06.2017, б/н, г. Астана // Собр. законодательства РФ. – 2019 г. – № 47. – Ст. 6560.

47. О ратификации Конвенции Шанхайской организации сотрудничества по противодействию экстремизму: Федеральный закон от 26.07.2019 № 196-ФЗ // Собр. законодательства РФ. – 2019. – № 30. – Ст. 4098.

48. Конвенция Совета Европы об отмыывании, выявлении, изъятии и конфискации доходов от преступной деятельности и о финансировании терроризма (CETS N 198) (Варшава, 16 мая 2005 г.) (ратифицирована Федеральным законом от 26.07.2017 № 183-ФЗ с заявлениями, вступила в силу для Российской Федерации 1 января 2018 года). – URL: <http://www.publication.pravo.gov.ru/Document/> (дата обращения: 20.03.2023).

49. Конвенция Совета Европы о предупреждении терроризма ETS N 196 (Варшава, 16 мая 2005 г.) // Собр. законодательства РФ. – 2009. – № 20. – Ст. 2393.

50. Договор о коллективной безопасности: Ташкент, 15 мая 1992 г. (ратифицирован Постановлением ВС РФ от 31 июля 1993 г. N 5595-I, в ред. от 19.01.2021). – URL: <https://www.odkb-csto.org/contacts/> (дата обращения: 20.03.2023).

51. Соглашение об обмене информацией в рамках Содружества Независимых Государств в сфере борьбы с терроризмом и иными насильственными проявлениями экстремизма, а также их финансированием: Ташкент, 03 ноября 2017 года (вступило в силу для Российской Федерации 05 сентября 2018 года) // Бюллетень международных договоров. – 2019. – № 1.

52. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Сербии о сотрудничестве в борьбе с терроризмом: Белград, 18 июня 2020 г. (вступило в силу 08 февраля 2021 г.) // URL: <http://www.publication.pravo.gov.ru> (дата обращения: 22.03.2023).

53. Соглашение между Российской Федерацией и Туркменистаном о сотрудничестве в области безопасности: Москва, 10 апреля 2003 г. (ратифицировано Федеральным законом от 9 ноября

2020 г. № 355-ФЗ, вступило в силу 20 ноября 2020 г.). – URL: <http://www.publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 22.03.2023).

54. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Кипр о сотрудничестве в борьбе с терроризмом: Москва, 25 февраля 2015 года (вступило в силу 13 января 2017 года). – URL: <http://www.publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 22.03.2023).

55. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Монголии о сотрудничестве в области борьбы с терроризмом: Улан-Батор, 03 сентября 2019 года (вступило в силу 5 марта 2020 года). – URL: <http://www.publication.pravo.gov.ru/> Номер опубликования: 0001202003050025 (дата обращения: 22.03.2023).

56. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Союз Мьянма о сотрудничестве в области борьбы с терроризмом: г. Сочи, 25 апреля 2018 года (вступило в силу 4 сентября 2021 года) // URL: <http://www.publication.pravo.gov.ru/> Номер опубликования: 0001202109060002 (дата обращения: 22.06.2022).

57. Рубан Л. С. Дилемма XXI века: Толерантность и конфликт: монография. – М., 2006. – 240 с.

58. Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941 – 1945 годов: Федеральный закон от 19 мая 1995 № 80-ФЗ (в ред. от 29.12.2022) // Российская газета. – 1995. – 24 мая.

59. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25 июля 2002 № 114-ФЗ (в ред. от 28.12.2022) // Российская газета. – 2002. – 30 июля.

60. О противодействии терроризму: Федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (в ред. от 26.05.2021) // Российская газета. – 2006. – 10 марта.

61. Заявление Совета Национальностей Верховного Совета Российской Федерации от 02.11.1992 № 3768-I // Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. – 1992. – № 45. – Ст. 2552.

62. О заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации "Об истоках политического экстремизма в Российской Федерации: Постановление Государственной

Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 19.03.1999 № 3802-II ГД // Собр. законодательства РФ. – 1999. – № 14. – Ст. 1690.

63. О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 23 марта 1995 года № 310 (в ред. от 03.11.2004) // Российская газета. – 1995. – 25 марта.

64. О Комиссии при Президенте Российской Федерации по противодействию политическому экстремизму в Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 27.10.1997 № 1143 // Собр. законодательства РФ. – 1997. – № 44. – Ст. 5057. (Утратил силу).

65. Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 17.12.1997 № 1300 // Российская газета. – 1997. – 26 декабря (Утратил силу).

66. О борьбе с терроризмом: Федеральный закон Российской Федерации от 25.07.1998 № 130-ФЗ «» // Российская газета. – 1998. – 04 августа (Утратил силу).

67. О заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации "Об истоках политического экстремизма в Российской Федерации": Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 19 марта 1999 года № 3802-II ГД // Собр. законодательства РФ. – 1999. – № 14. – Ст. 1690.

68. О федеральной целевой программе "Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001 – 2005 годы)": Постановление Правительства Российской Федерации от 25 августа 2001 г. № 629 (в ред. от 06.09.2004) // Собр. законодательства РФ. – 2001. – № 36. – Ст. 3577.

69. О завершении реализации федеральной целевой программы "Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001-2005 годы)":

Постановление Правительства Российской Федерации от 19 ноября 2004 года № 665 // Собр. законодательства РФ. – 2004. – № 48. – Ст. 4795.

70. Послание Президента Российской Федерации от 18.04.2002 б/н // Российская газета. – 2002. – 19 апреля.

71. Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года: Указ Президента РФ от 29 мая 2020 г. № 344 // Собр. законодательства РФ. – 2020. – № 22. – Ст. 3475.

72. О военно-патриотических молодежных и детских объединениях: Постановление Правительства Российской Федерации от 24 июля 2000 года № 551 (в ред. от 24.12.2014) // Российская газета. – 2000. – 27 июля.

73. Олейник В.С. Роль СМИ в профилактике экстремизма и терроризма // Противодействие идеологии терроризма: Концепции и адресная профилактика. Материалы Всероссийской научно-практической конференции (г. Уфа, 6 июня 2019 г.). – Уфа, 2019. – С. 107-115.

74. Айтжанова Д.А. Опыт европейских стран в противодействии религиозному экстремизму: Дисс. на соис. степени доктора по профилю «Международные отношения». – Республика Казахстан, Нур-Султан, 2021. 180 с.

75. Gesetz zur Bekämpfung des internationalen Terrorismus. – 09.01.2002 (Terrorismusbekämpfungsgesetz). – <http://www.bmi.bund.de/Shared> (дата обращения 09.03.2023).

76. Положение о Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму в Российской Федерации: Утв. Указом Президента РФ от 26 июля 2011 года № 988 (в ред. от 17.02.2016). – URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/> (дата обращения: 24.02.2023).

77. Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: Федеральный закон Российской Федерации от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ (в ред. от 14.07.2022) // Российская газета. – 1999. – 30 июня.

78. Расширенное заседание коллегии МВД России 20 марта 2023 года. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/deliberations/70744> (дата обращения: 05.04.2023).

Учебное издание

Людкевич Юрий Николаевич
Гришай Елена Васильевна
Завьялова Наталья Юрьевна

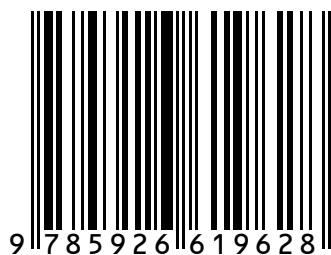
**ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ УГРОЗ
И ДЕСТРУКТИВНОГО КОНТЕНТА
В МАСС-МЕДИА И СЕТИ ИНТЕРНЕТ
НА РАДИКАЛИЗАЦИЮ МОЛОДЕЖИ**

Учебно-наглядное пособие

В авторской редакции

Компьютерная верстка *Г. А. Артемовой*

ISBN 978-5-9266-1962-8

Подписано в печать 17.05.2023.

Авт. л. 2,9. Заказ 146.

Краснодарский университет МВД России.
350005, Краснодар, ул. Ярославская, 128.